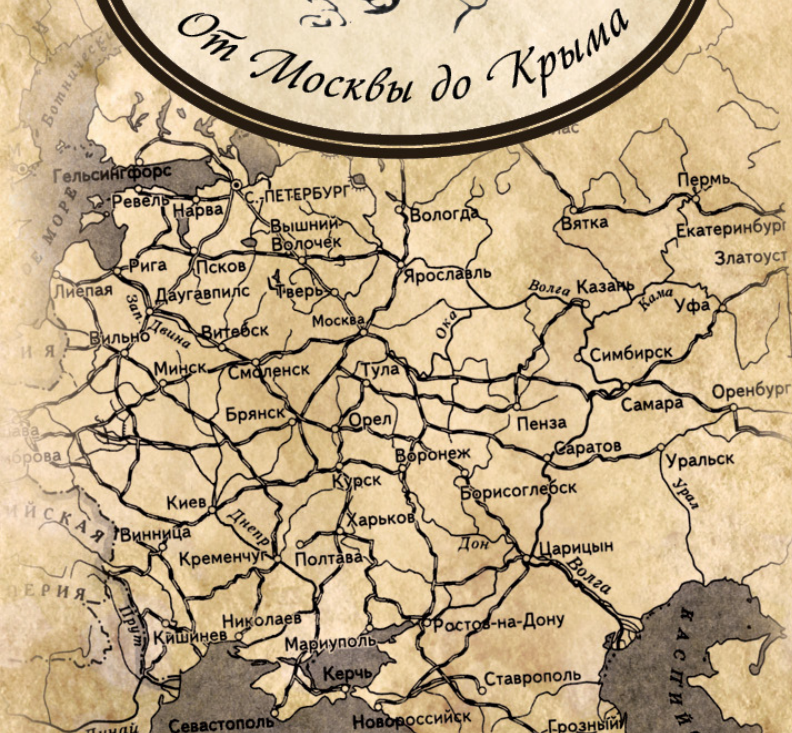

Александр Васькин

Пушкинские места России

От Москвы до Крыма

Александр Анатольевич Васькин Пушкинские места России. От Москвы до Крыма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50664171

Пушкинские места России. От Москвы до Крыма:

ISBN 978-5-9973-4000-1

Аннотация

Впервые за тридцать лет выходит книга, посвященная пушкинским местам России. Читатели побывают в Москве и Санкт-Петербурге, Захарово и Архангельском, Болдино и Михайловском, Полотняном Заводе и Царском Селе, а также в Крыму и на Северном Кавказе, в Орле и Тверском крае, в Поволжье и на Урале. Перед нами своего рода атлас пушкинского пространства России, по которому каждый может выбрать свой маршрут или освоить эпизод биографии поэта, прикоснуться к его творческому наследию. Книга написана с привлечением большого числа исторических источников и мемуаров современников Пушкина. Автор книги – известный писатель и историк Александр Васькин.

Содержание

Путешествие на всю жизнь	6
Москва	16
«В начале жизни школу помню я...»	23
«На уроки танцевания к Трубецким»	31
«В московском саду графа Бутурлина»	36
«Василья Львовича узнал ли ты манер?»	63
«Октября 12 поутру, спозаранку мы ожидали Пушкина»	76
«22 декабря 1826 году. Москва. У Зубкова»	85
«Пушкин в театре!»	92
«Я увидел... портрет Пушкина»	104
«На бале у князя Голицына»	110
«Приведите ко мне мотылька Пушкина»	119
«В креслах встретил я Пушкина»	133
«Обедали вместе у Яра»	137
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Александр Васькин
Пушкинские места России.
От Москвы до Крыма

© Васькин А.А., 2017

“Петербург
прихожан,
Москва дворян,
деревни все
наш кабинет.”

Путешествие на всю жизнь

Пушкин бесконечен. И в переносном, и в буквальном смыслах.

«В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт», – писал Гоголь о пушкинских произведениях. Потому мы их не просто читаем, но и регулярно перечитываем, порой повторяем наизусть.

И жизненная судьба русского национального поэта развернута не только во времени, но и в пространстве. Москва, Петербург, Псковщина с Михайловским, Болдино на Нижегородчине, края тверские, калужские, орловские, Поволжье и Урал, Крым и Северный Кавказ – все это пушкинская топография, важная для понимания поэтических и прозаических текстов.

Читая Пушкина, мы мысленно перемещаемся в места, им описанные. Путешествуя по родной стране и оказываясь в этих местах, с новой остротой переживаем хорошо знакомые произведения.

Известны стихотворные строки Гете: «*Wer den Dichter will verstehen / Muss in Dichters Lande gehen*». То есть: кто хочет понять поэта, должен побывать в его стране. А поскольку пушкинская Россия обширна, то ее приходится в течение длительного времени осваивать не только иностранцам, но и соотечественникам поэта. И это увлекательное путешествие у

каждого из нас, как правило, растягивается на всю жизнь.

Тут не обойтись без достоверного и обстоятельного путеводителя. Его и создал для читающей России писатель и историк Александр Васькин.

Автор книги «Пушкинские места России» прежде всего москвовед, эксперт по столичной истории и архитектуре. Ему принадлежат основательные и в то же время доступные «нормальному» читателю монографии о московских монастырях, о легендарных московских улицах, о зданиях московских вокзалов и о сталинских «высотках», биография знаменитого зодчего Алексея Щусева в серии «Жизнь замечательных людей». Это не бесстрастные описания, а книги, проникнутые публицистическим пафосом, заботой о сохранении нашего архитектурного наследия.

Александр Васькин сопрягает в своей работе московскую географию с биографиями классиков русской словесности. В его творческом багаже книги о лермонтовской Москве, о московских адресах Льва Толстого. В 2010 году Александр Васькин выпустил книгу «Я не люблю московской жизни, или Что осталось от пушкинской Москвы», а в 2016 году – «Путеводитель по пушкинской Москве». И вот теперь – единственный в своем роде книжный труд, представляющий нам топографию всей пушкинской России. Здесь творчески применены, углублены и обобщены поиски нескольких поколений пушкинистов-краеведов, занимавшихся изучением пушкинского Петербурга, историей пребывания поэта в рос-

сийской провинции.

Энциклопедическая полнота, композиционная стройность, уместные обращения к пушкинской биографии и со вкусом подобранные цитаты, живой и внятный язык автора – все это делает книгу значительным культурным событием, настоящим подарком для неравнодушного читателя.

Читать эту большую книгу можно разными способами. Найдутся подготовленные знатоки, которые настолько «в теме», что могут стремительно пройти весь текст подряд, соотнося новую информацию с уже им известной. А кто-то станет читать фрагментарно, выбирая то, что для него лично актуально в связи с предстоящей прогулкой или поездкой. Ведь даже у постоянно живущих в Москве или в Петербурге наверняка найдутся пушкинские места, еще не изведенные. Скажем, на петербургском Каменном острове была дача Доливо-Добровольского, которую Пушкины снимали в 1836 году. Здесь родилась младшая дочь поэта Наталья, здесь он написал свои поздние философские стихи (уже во второй половине XX века пушкинисты стали называть их «каменноостровским циклом»), здесь, наконец, сложено поэтическое завещание «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Дача не сохранилась, на ее месте позднейшее ампириное здание Сельскохозяйственных курсов, ныне ставшее рыбопромышленным колледжем. Не толпятся здесь экскурсанты, но кто-то возьмет да и выберется в это не самое известное место, чтобы взглянуть на фундамент флигеля, – го-

воят, что он сохранился с пушкинских времен.

Листая книгу Александра Васькина, каждый может найти для себя новый маршрут, освоить еще один эпизод или период пушкинской биографии, припомнить по случаю пушкинские стихи и прозу. Перед нами своеобразный атлас пушкинского пространства. Им можно пользоваться и для виртуальных путешествий. Заманчиво, конечно, пометчать о посещении всех описанных здесь пушкинских мест, но не у многих это получится въяве. А проникнуться настроением Пушкина-путешественника, выстроить в своем сознании всю совокупность его передвижений – это может каждый.

И при этом неизбежно пересечение пространственной и временной осей. Мы вместе с автором книги выстраиваем для себя своеобразный хронотоп пушкинской судьбы. На свет Пушкин появился в Москве, но, как справедливо отмечается в книге, ни один из домов, считавшихся в разное время первым жилищем поэта, «не дошел до нашего времени, – цветы принести некуда». Остается только погулять в пространстве бывшей Немецкой слободы, давая волю творческому воображению. Еще мы можем посетить Огородную слободу, где потом «у Харитонья в переулке» автор «Евгения Онегина» разместит приехавших в Москву Лариных. Зато дом Апраксиных на Покровке, знаменитый «дом-комод», доподлинно помнит Пушкина-отрока, приходившего туда на уроки танцев.

В 1811 году юный Пушкин с дядей Василием Львовичем

приезжает в северную столицу и поселяется на набережной Мойки в гостинице «Бордо», потом они переезжают в дом № 13. Мы уже знаем, что в трехстах метрах и трех минутах ходьбы оттуда – дом № 12, где через четверть века с небольшим завершится земная жизнь поэта. Буквально четыре дома и Большой Конюшенный мост отделяют друг от друга эти две временные точки. Пространство и время сплелись, слились воедино.

Затем шесть лет в Царскосельском лицее: редко кто из пушкинских читателей не отправлялся туда электропоездом с Витебского вокзала. А по окончании лицея в 1817 году Пушкин живет вместе с родителями в доме Клокачева на Фонтанке. Эта питерская река сплошь помечена пушкинскими знаками и занимает в книге Александра Васькина большое место. В юные годы он бывает в доме Тургеневых, из окон которого виден Михайловский замок (где убит Павел I, о чем идет речь в оде «Вольность»). Поодаль – дом Муравьевых, где собирались «арзамасцы», где проходили собрания будущих декабристов, описанные в десятой главе «Онегина». Зеленый трехэтажный дом Олениных, значимый и в истории культуры, и в пушкинской биографии. А на углу набережной Фонтанки и Гороховой улицы, у Семеновского моста, объект менее прославленный, но тоже заслуживающий внимания – дом Устинова, дуго-образное классицистическое здание, куда Пушкин приходил к родителям, жившим там в 1827 году...

...Пушкину, как известно, не довелось побывать за границей, за исключением поездки в турецкий Арзрум в 1829 году. Волей исторической судьбы за границей теперь стали те места, которые он посещал по дороге в южную ссылку: Витебск, Киев, Екатеринослав. Но вот мы снова на российской территории. В Таганроге сохранился дом градоначальника, в котором Пушкин вместе с семьей Раевских ночует по дороге на Кавказ. Через пять лет здесь встретит свою смерть император Александр I, отправивший Пушкина в ссылку.

Потом Новочеркасск, а за ним – Пятигорск (бывший Горячеводск), Железноводск. Здесь для современного читателя на пушкинское пространство накладывается еще и лермонтовское – вплоть до Тамани.

Пребывание Пушкина в Крыму – главный драгоценный камень в литературном ожерелье этого полуострова, сконцентрировавшего в себе множество судеб и легенд. Затем мы вслед за Пушкиным из Симферополя вновь попадаем в нынешнюю границу – Кишинев, где память о великом русском поэте продолжает жить, там случаются встречи с нынешними российскими поэтами. А далее – Одесса, которая осталась пушкинской. Литература превыше политических границ. Вслед за изучением «петербургского текста» (понятие введено академиком В.Н. Топоровым) филологи исследуют «одесский текст» русской словесности.

Далее мы вместе с автором книги едем на Русский Север. Село Михайловское, как отмечает Александр Васькин, –

«особое место в пушкинской географии России, сюда привезли его младенцем в 1799 г. и здесь же, на Псковщине, в Святогорском монастыре, поэт нашел последнее упокое-ние». Закономерно, что это место пушкинской ссылки уже много лет обладает огромной силой притяжения и стало объектом непрерывного паломничества.

И опять Москва, встреча с новым царем. Женитьба, в преддверии которой Пушкин навещает в Полотняный Завод, и на карте его путешествий появляется Калужская губерния... Петербургская семейная жизнь, сопровождавшаяся многократными переездами... Особенно хочется отметить, как в книге подана история дуэли и смерти Пушкина. Документальный жанр не располагает к лирическому самовыражению, но, по-моему, в этой части книги Александра Васькина звучит глубокий и неподдельный трагизм. Главка о похоронах поэта названа цитатой из Александра Тургенева, сопровождавшего гроб в Святогорский монастырь: «Заколотили Пушкина в ящик». Лично мне близок такой человеческий взгляд, и я не склонен разделять новейшие мифологические концепции о том, что Пушкин, дескать, строил свою жизнь как художественное произведение и что его смерть – необходимый эффектный финал этой драмы. Думается, читатель этой книги, проследовав вместе с автором по трагическому маршруту от кондитерской Вольфа и Беранже на Невском проспекте до Черной Речки и потом до дома на набережной Мойки, испытает неутолимую сердечную боль, пе-

реживет уход поэта как собственную личную потерю.

А завершается книга, построенная не в хронологической, а в топографической последовательности, главой о поездке Пушкина в Поволжье и на Урал. Это крайняя восточная точка пушкинской географии. Пушкин здесь живой, погруженный в нелегкие исторические разыскания...

Путешествуя по пушкинским местам, мы неизбежно выходим и в более широкое литературное пространство, встречаемся и с современниками поэта, и с его творческими наследниками. Например, собрались мы взглянуть на дом Брискорн (Галерная, 53), в котором молодожены Пушкины поселились, приехав из Москвы в Петербург. Идти надо по Галерной улице, путь на которую от Сенатской площади открывает ахматовская строка «На Галерной чернела арка» (есть у поэтессы еще строки: «Ведь под аркой на Галерной наши тени навсегда»). А за несколько шагов до цели мы увидим дом, где жил Александр Блок и куда приходила с мороза раскрасневшаяся Наталья Волохова.

Сравнительно недавно мне довелось быть в знаменитом Доме Мурузи на Литейном проспекте (где когда-то жили Мережковские и Гиппиус) и стоять на балконе квартиры Иосифа Бродского, выходящем на улицу Пестеля (бывшую Пантелеймоновскую). Невозможно было не ощутить там близость дома Оливье, из которого в 1833–1834 годах Пушкин смотрел на ту же Пантелеймоновскую улицу.

А в Москве за домом Хитрово на Арбате (там теперь Му-

зей-квартира Пушкина) сразу следует дом, где жил Андрей Белый, крупнейший русский символист и, помимо прочего, исследователь пушкинских стиховых ритмов. Если пойти от музея налево, то из арбатского двора выйдет Булат Окуджава, и мы услышим одну из его самых знаменитых песен:

*Былое нельзя воротить... Выхожу я на улицу
и вдруг замечаю: у самых Арбатских ворот
извозчик стоит, Александр Сергееч прогуливается...
Ах, завтра, наверное, что-нибудь произойдет.*

Впереди у нас всегда новая встреча с Пушкиным и с пушкинской Россией.

Владимир Новиков,

*доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова*

Москва

Мест, связанных с именем Пушкина, в Москве немало. Прежде всего, это адреса, по которым жил поэт и, главное, где он появился на свет. До сих пор ломаются копии об истинном месте рождения Пушкина. Сегодня есть, по крайней мере, три разных адреса, называвшихся ранее в качестве места рождения поэта, и все они – в Немецкой слободе. Еще в конце XIX в. на доме купцов Клюгиных, что стоял в приходе церкви Богоявления в Елохове, была установлена памятная доска, удостоверяющая, что «здесь родился Пушкин». Затем в 1920-х гг. возник другой адрес – на месте средней школы по улице Бауманской (дом № 40). Школе присвоили имя Пушкина, а в 1967 г. сей факт закрепили еще и установкой бюста поэту. И, наконец, третий адрес, последний на сегодня, – **дом Скворцова (на углу Госпитального переулка и Малой Почтовой улицы, на месте дома № 4)**, сгоревший в 1812 г. Эта версия была высказана в 1980 г. С.К. Романюком, и с тех пор никто не смог представить аргументов более весомых, чтобы ее опровергнуть. Как бы там ни было, ни один из этих домов не дошел до нашего времени, – цветы принести некуда.

Почти не сохранились и детские адреса Пушкина. А было их во множестве, поскольку ежегодно семейство Пушкиных, не имевшее в Москве собственного дома, переезжало с квар-

тиры на квартиру. Мать Надежда Осиповна якобы не любила долго жить на одном месте. Свою роль играли и материальные трудности. «Благодаря» такому непостоянству семья Пушкиных сменила больше дюжины квартир в Москве. Жили они и в Огородной слободе, где и по сей день пересекаются Харитоньевские и Козловские переулки, нанимали квартиры в районе Арбата – в Кривоарбатском и Хлебном переулках, на Поварской. Затем на Мясницкой, потом в районе Большой Молчановки и т. д.

С того времени до нас дошел лишь один памятник архитектуры, известный как дворец Юсуповых (или палаты Волкова), где Пушкины жили в 1801–1803 гг., сегодня это один из немногих сохранившихся в Москве архитектурных памятников гражданского зодчества XVI–XVII вв.

Дворец Апраксиных на Покровке, известный как «дом-комод», помнит подрастающего Пушкина. Сегодня этот чудом сохранившийся, переживший московский пожар 1812 г. дворец является совершенно необычным памятником русской архитектуры в стиле позднего барокко второй половины XVIII в. Александр Пушкин бывал здесь на «уроках танцевания».

Усадьба Бутурлина на Яузе была построена еще в середине XVIII в. Как магнитом притягивала маленького Сашу Пушкина известная на всю Москву библиотека графа Дмитрия Бутурлина – сгоревшая, впрочем, в 1812 г.

В Москве Александр Пушкин прожил до 1811 г., ко-

гда в сопровождении дяди Василия Львовича отправился в Санкт-Петербург, в Царскосельский лицей. А вернулся поэт в Москву через полтора десятка лет. Начиная с 1826 г. Пушкин бывает в Москве часто, словно восполняя столь длительное отсутствие. Но желания остаться здесь на постоянное местожительство у него нет. Уже после первого посещения Москвы он пишет Вяземскому: «Милый мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление, но все-таки лучше с вами видеться, чем переписываться» (9 ноября 1826 г.), «У вас в Москве хотят меня заставить даром и исключительно работать журналу. Да еще говорят: он богат, черт ли ему в деньгах. Положим так, но я богат через мою торговлю стихистой, а не прадедовскими вотчинами» (ноябрь 1827 г., Соболевскому).

Между Пушкиным и Москвой взаимоотношения складывались сложные и неоднозначные. Т. Цявловская писала, что любовь Пушкина к жене надо изучать по письмам, а не по стихам. А мы почитаем и письма, и стихи, в которых говорится о Москве. В пушкинских стихах мы находим признание в любви к Москве, но написаны они вне ее пределов:

*Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед...*

В письмах поэта вылилось раздражение родным городом:

«Москва – город ничтожества» (26 марта 1831 г., Хитрово), «Москва мне слишком надоела» (11 апреля 1831 г., Плетневу), «Меня тянет в Петербург. – Не люблю я твоей Москвы» (10 декабря 1831 г., из письма жене). «В Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва» (27 августа 1833 г. из Москвы в Петербург, жене). Похоже, что Пушкину было свойственно олицетворять с Москвой и разочарования, и непонимание коллегами его творческих взлетов, и неудачи на личном фронте («московщина со всеми ее тетками» – выражение друга Пушкина Туманского). А обижаться было на что. Кажется, что Москва и Пушкин не поняли друг друга.

«Пушкин очень часто читал по домам своего "Бориса Годунова"» и тем повредил отчасти его успеху при напечатании. Москва неблагородно поступила с ним: после неумеренных похвал и лестных приемов охладели к нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвинения в ласкательстве и наушничестве и шпионстве перед государем. Это и было причиной того, что он оставил Москву», – писал С.П. Шевырев.

Непонимание обывателями всей сути отношений между царем и поэтом московскому свету было вполне свойственно. Москва в то время была сосредоточением «всех отставных, недовольных и уволенных чинов империи, гражданских и военных. Это ядро русской оппозиции. Поэтому почти все люди либеральных убеждений и те, политические взгляды

которых не подходят к политике этих дней, удаляются сюда, где они могут сколько угодно критиковать двор, правительство и т. д., не слишком опасаясь какого-либо вмешательства властей», – рассказывал встречавшийся с Пушкиным англичанин Колвилл Фрэнкленд, гостивший в России в 1830–1831 гг. Причем приехал он в Москву из Петербурга и мог, следовательно, сравнивать. Да и в императорской столице относительно Москвы иллюзий не испытывали.

С 1826 г. Пушкин приезжал в Москву и на дватри дня, и на несколько недель, и на полгода. Среди сохранившихся зданий, в которых он жил или бывал, выделяются своей архитектурной нарядностью усадьба Малиновских на Мясницкой, Английский клуб на Тверской, церковь «Большое Вознесение», Московский университет на Моховой, Московский главный архив Министерства иностранных дел в Холловском переулке и немногие другие.

Где-то поэт бывал неоднократно: в гостинице в Глинцевском переулке, в которой останавливался шесть раз, в салоне Волконской на Тверской, на балах в доме генерал-губернатора Голицына. Часто видели Александра Сергеевича в Большом Чернышевском переулке (ныне Вознесенский), где жили его друзья – Вяземский и Баратынский.

Куда-то Пушкин заходил лишь однажды – например, на обед к Уварову в дом на углу Страстной площади и Малой Дмитровки. Единственной была и нанятая Пушкиным квартира на Арбате, куда привез он молодую жену после венча-

ния 18 февраля 1831 г. Бывал поэт и в Большом театре, и в Дворянском собрании, и в Лепехинских банях, что у Смоленского рынка. Все, что удостоил Пушкин своим вниманием в нашем городе, принято нынче называть пушкинскими местами Москвы.

Попытки сохранить пушкинские места Москвы, увековечить их предпринимались неоднократно, чему способствовал и первый столетний юбилей поэта, широко отмечавшийся в 1899 г.; но, кажется, спохватились слишком поздно – большую часть пушкинских зданий время (а точнее, люди) не пощадило. Так, пожар 1812 г. уничтожил многие детские адреса Пушкина. Смена владельцев, перепродажа домов – это тоже процесс вредный. Большие потери понесла пушкинская Москва в XX в. Претворение в жизнь «сталинского плана реконструкции Москвы» в 1930-х годах сопровождалось всеми вытекающими, а точнее, разрушающими последствиями. Трещала, лопалась по швам старая Москва. А затем война, бомбежка столицы в 1941 г. (один из снарядов попал в усадьбу Погодина, уничтожив ее). А после войны – опять разрушение старой Москвы. Взять хотя бы нашумевший снос «дома Фамусова» на Пушкинской (!) площади в 1968 г., в котором поэт бывал у Римских-Корсаковых...

Но ведь был и обратный процесс. Силами многочисленной армии энтузиастов удавалось отвоевывать у разрушителей-строителей пушкинские адреса. Например, арбатский дом, где нынче мемориальная квартира Пушкина, дом Вене-

витиновых в Кривоколенном, дом Василия Львовича Пушкина на Старой Басманной, освобожденный под музейные цели относительно недавно...

С началом нашего века список потерь умножился, в 1997–2002 гг. уничтожен дом Шаховских на Никитском бульваре (XVIII–XIX вв.), где устраивались литературные и музыкальные салоны. Здесь бывал не только Пушкин, но и Гончаров, Грибоедов. В 2002–2004 гг. снесена усадьба Римских-Корсаковых на Тверском бульваре, дом № 26 с палатами и флигелями XVIII–XIX вв. А вот и еще один бывший пушкинский адрес – Столешников переулок, дом № 12. Сюда, в канцелярию московского оберполицмейстера, поэта вызывали в связи с делом о распространении крамольных стихов из «Андрея Шенье». Дом этот, построенный в XVIII–XIX вв., был снесен в марте 1997 г. для благоустройства местности к 850-летию Москвы. 16 сентября 1826 г. Пушкин посетил князей Трубецких после гулянья на Девичьем поле, современный адрес – улица Усачева, дом № 1. Это был один из самых старых деревянных домов Москвы, переживших пожар 1812 г. Здание, построенное во второй половине XVIII в., сгорело в 2002 г., причем перед реконструкцией. Огонь слизал и хорошо сохранившиеся интерьеры XIX в.

Пройдемся же по пушкинским местам столицы...

«В начале жизни школу помню я...»

Дворец Юсуповых (Большой Харитоньевский пер., № 21) – старейшее на сегодняшний день московское здание, связанное с жизнью Пушкина. В основе дворца – палаты XVI–XVII вв. Существующее ныне строение сформировалось в результате неоднократных реконструкций и перестроек из двух первоначально самостоятельных корпусов – восточного со столовой палатой и западного. Композиция этого интереснейшего памятника московского гражданского зодчества связана с «хоромным» принципом построения. Обращает на себя внимание живописная группировка отдельных разновеликих объемов, крытых порознь кровлями различной высоты и формы. На второй этаж дворца ведет наружная лестница, что было характерным архитектурным приемом XVI–XVII вв. Это относится и к столовой палате – обязательному для подобных зданий парадному помещению. Нетрудно уловить в ней элементы, восходящие к Грановитой палате Московского Кремля. Высокий свод, освещенный с обеих сторон многочисленными окнами, напоминает гигантский купол.

Реконструкция 1892 г. (арх. Н.В. Султанов) в дань существовавшей тогда моде стилизовала здание «под старину», что зримо проявилось в пышном декоре, обильно покрывшем стены, в узорчатой кровле с флюгерами, оконницах и

других элементах. В конце XIX в. западный корпус был надстроен третьим этажом (архитектор В.Д. Померанцев). Постройки заднего двора относятся к 1895 г., стилизованная чугунная ограда – к 1913 г. В результате реставрации, длившейся с начала 1980-х гг. по 2008 г., восстановлены уникальные изразцовые печи начала XVIII в., стилизованные росписи, выполненные в конце XIX в. по эскизам художника Ф.Г. Солнцева, воссозданы паркетные и каменные полы и некогда полностью утраченные оконные витражи. Восстановлено и кровельное покрытие с декоративными дымоходами.

Первым известным по документам владельцем палат был богатый купец Чирьев, обосновавшийся в Москве в 1670-х гг. Затем их хозяевами последовательно являлись сподвижники Петра I или вельможи, к ним приближенные: в начале XVIII в. палаты принадлежали дипломату, вице-канцлеру П.П. Шафирову, отправленному впоследствии за казнокрадство в ссылку. В 1723 г. конфискованные у Шафирова палаты перешли к графу П.А. Толстому, управляющему Тайной канцелярией, вынесшей приговор сыну царя Петра Алексею.

Толстого, в свою очередь, также сослали – на Соловки, в 1727 г. А хозяином здесь стал Алексей Волков, обер-секретарь Военной коллегии и ближайший помощник А.Д. Меншикова – новоиспеченного генералиссимуса и фактического правителя России с 1725 по 1727 гг. при малолетнем Петре II (*вспоминаются пушкинские строки о Меншикове из «Полтавы»*: «Счастья баловень безродный, полудержавный вла-

стелин»). Но распорядился палатами Волков недолго, – как только звезда Меншикова закатилась, сгустились тучи и над обер-секретарем. И вот уже князь Григорий Юсупов челом бьет Петру II, буквально выпрашивая себе волковские палаты. А Волкова в своем доносе-прошении он называет «согласником» во всех «непорядочных и худых проступках князя Меншикова». Прощение князя было удовлетворено. С 1727 г. Юсуповы владели палатами без малого два века – до 1917 г. (при Советской власти здесь располагался президиум Академии сельскохозяйственных наук).

Потомок Григория Юсупова, дипломат, коллекционер и меценат, князь Николай Борисович Юсупов остался в истории как влиятельнейший вельможа при четырех царствованиях – от Екатерины II до Николая I. Юсупов часто бывал за границей, при Екатерине II служил посланником в Сардинии, Неаполе, Венеции, водил знакомство с Бомарше и Вольтером. А потому и собрание юсуповское наполнено было в большинстве своем иноземными предметами искусства – редкими и дорогими книгами, скульптурой, бесценными полотнами Рембрандта, Тьеполо, Ван-Дейка, Лоррена и других мастеров (многое из этого потомки князя успели вывезти из России в 1917 г.). Неудивительно, что среди многочисленных должностей Николая Борисовича было начальство над Эрмитажем и Оружейной палатой.

Богатейший человек своего времени, Юсупов владел не только драгоценными предметами искусства, но и тридцатью

тысячами крепостных душ в двадцати трех губерниях. Годовой доход его редко опускался ниже миллиона рублей. Имея такие барыши, Юсупов тем не менее сдавал свою недвижимость внаем. Просвещенность на равных уживалась в нем с жадностью до денег. Сдавал он и дом в Большом Харитоньевском переулке.

Среди нанимателей была и семья Пушкиных, жившая здесь с 24 ноября 1801 г. по 1 июля 1803 г. В то время здешнюю местность называли Огородной слободой, а эта часть Большого Харитоньевского переулка была известна как Большая Хомутовка. Название слободе дали дворцовые огороды и поселения живших при них в XVII в. огородников. Со второй половины XVII в. на территории Огородной слободы селились по большей части купцы, представители высшего духовенства, московской знати.

*В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился. К старой тетке,
Четвертый год больной в чахотке,
Они приехали теперь.*

Пушкин не раз мысленно обращался к детским годам, проведенным в Большом Харитоньевском переулке. И процитированные строки из седьмой главы «Евгения Онеги-

на» – яркое тому подтверждение. Татьяна Ларина была поселена автором именно «у Харитонья в переулке», т. е. рядом с церковью св. Харитония, что и дала название переулку (построена в 1654 г., снесена в 1935 г.).

Поселившаяся здесь семья Пушкиных состояла из пяти человек: глава семьи Сергей Львович Пушкин (1770–1840), московский чиновник средней руки; его жена (с 1796 г.) Надежда Осиповна, урожденная Ганнибал (1775–1836); дети – Ольга (1797–1868), Александр и Николай (1801–1807). Позже у Сергея и Надежды Пушкиных родилось еще пятеро детей. Из них выжил только Лев (1805–1852), остальные же – сыновья Михаил (1811), Павел (1810), Платон (1817–1819) и дочь Софья (1809) умерли в раннем возрасте.

Ольга Пушкина вспоминала, что «Сергей Львович... был нрава пылкого и до крайности раздражительного, так что при малейшем неудовольствии, возбужденном жалобой гувернера или гувернантки, он выходил из себя, отчего дети больше боялись его, чем любили. Мать, напротив, при всей живости характера, умела владеть собою и только не могла скрывать предпочтения, которое оказывала сперва к дочери, а потом к меньшему сыну Льву Сергеевичу; всегда веселая и беззаботная, с прекрасною наружностью креолки, как ее называли, она любила свет. Сергей Львович был также создан для общества, которое умел он оживлять неистощимую любезностью и тонкими остротами, изливавшимися потоком французских каламбуров. Многие из этих каламбуров пере-

давались в обществе как образчики необыкновенного остроумия».

В усадьбе Юсупова в начале XIX в. стояло три каменных дома, один из которых – средний – и был арендован Сергеем Львовичем Пушкиным. В результате более поздних перестроек дом стал частью одного большого здания. Сегодня это левое крыло дома № 21 (по другому мнению, Пушкины обретались в несохранившемся деревянном флигеле).

Юсуповский сад славился на всю Москву, усадебное садоводство на иноземный манер – английский или французский – было в ту пору в большой моде. Маленький Саша Пушкин проводил в саду князя большую часть времени. Почти через четверть века после того, как Пушкины жили у Хари-тонья в Огородниках, в 1830 г. поэт принимается за автобиографию. Он набрасывает «Программу автобиографии», в которой описание своего детства он начинает именно отсюда: «Первые впечатления. Юсупов сад». И в это же время он сочиняет стихотворение «В начале жизни школу помню я», где рисует восхитительную картину сада, на аллеях которого встречались маленькому Саше причудливые мраморные скульптуры древних богов:

*И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.
Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,*

И праздномыслить было мне отрада.
Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.
Все – мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры —
Все наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.
Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.
Один (Дельфийский идол) лик молодой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.
Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал —
Волшебный демон – лживый, но прекрасный.
Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось – холод
Бежал по мне и кудри подымал.
Безвестных наслаждений темный голод
Меня терзал – уныние и лень
Меня сковали – тщетно был я молод.
Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый – все кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

Стихотворение это лучше, чем какая-либо из возможных иллюстраций, передает атмосферу сада с его оранжереями, фонтаном и прудом, пленившую будущего поэта. В «Программе автобиографии» Пушкин упоминает также про землетрясение, няню и «первые неприятности». Землетрясение случилось в Москве 14 октября 1802 г. и вызвало большой переполох, о нем, видимо, рассказывала поэту Арина Родионовна. Что же до неприятностей, то под ними можно подразумевать первые проделки шалуна Саши, ибо, как вспоминала его сестра Ольга, «до шестилетнего возраста Александр Сергеевич не обнаруживал ничего особенного; напротив, своею неповоротливостью, происходившею от тучности тела, и всегдашнею молчаливостью приводил иногда мать в отчаяние. Она почти насильно водила его гулять и заставляла бегать, отчего он охотнее оставался с бабушкою Марьею Алексеевною, залезал в ее корзину и смотрел, как она занималась рукодельем. Однажды, гуляя с матерью, он отстал и уселся посередине улицы; заметив, что одна дама смотрит на него в окошко и смеется, он привстал, говоря: "Ну, нечего скалить зубы"».

Саша нередко раздражал мать и выводил ее из себя своими вредными привычками грызть ногти, тереть ладони (за это Надежда Осиповна завязывала ему руки за спину чуть ли не на целый день), терять носовые платки (поэтому их пришивали к его одежде, заставляя в таком виде появляться перед гостями). Повзрослев, Саша сильно изменился...

«На уроки танцевания к Трубецким»

Усадьба Апраксиных-Трубецких (улица Покровка, № 22). Здесь Александр и Ольга Пушкины бывали в детстве, в 1809–1810 гг., последняя вспоминала, что «родители возили их на уроки танцевания к Трубецким (князю Ивану Дмитриевичу)». В детские годы Пушкина князь и действительный камергер Иван Дмитриевич Трубецкой жил в этом доме на Покровке до своей смерти в 1827 г. Трубецкой приходился троюродным дядей Александру Пушкину (по отцу Сергею Львовичу).

Вычурный и грузный внешний вид дома дал прозвище и его владельцам. Их прозвали «Трубецкие-Комод». Комодами звались все члены семьи Ивана Дмитриевича: его жена Екатерина Александровна, урожденная Мансурова, сыновья Николай, Юрий, дочери Аграфена, Александра и Софья.

Действительно, квадратный дом Трубецких напоминал современникам комод (хотя еще в конце XVIII в. его называли ни больше ни меньше как «московский Зимний дворец»). «Москва всех людей метила по-своему. Дом был комод, и Трубецкие стали Трубецкие-Комод, а старика Трубецкого звали уже просто Комод. Трубецкие-Комод жили в своем доме-комоде тремя поколениями; старик, крепконосый, сухой, был уже очень дряхл и глух; всем в доме распоряжалась дочь, сорокалетняя девица Анята. Александр часто

встречал на прогулках Николиньку Трубецкого, гулявшего с гувернанткой. Они познакомились, тетка прислала Сергею Львовичу любезное письмо, и Александр стал бывать у Трубецких.

Николинька Трубецкой был мал ростом, ленив и толст, желт, как лимон. Старый дед доживал свой век и крепко зяб, поэтому зимою непрерывно топили, а летом не открывали окон. Слуги ходили по дому как сонные мухи. В комоды было тихо, душно и скучно. Казалось, и молодые вместе со стариком доживают свой век. Николинька не играл в мяч и не бегал взапуски, он был сластена, лакомка, и нежная тетка его закармливала», – писал Юрий Тынянов. Интересно, что на танцевальных вечерах у Трубецких бывал и маленький Федор Тютчев, живший неподалеку, в Армянском переулке.

Усадьба Апраксиных-Трубецких на Покровке сформировалась в результате покупки в 1764 г. графом М. Ф. Апраксиным небольших соседних владений. На одном из них, в 1760 г. принадлежавшем поручику Крюкову, стояли каменные палаты (вероятно, 1-я половина XVIII в.). В 1766–1769 гг. были выстроены в центральной части участка главный дом в три этажа и два одно-этажных флигеля по бокам (предположительно по проекту арх. Д.В. Ухтомского, автора снесенных в 1930-е гг. Красных ворот). Восточный флигель был перестроен из упомянутых старых каменных палат Крюкова, поэтому и оказался длиннее западного.

В 1772 г. усадьбу приобрел князь Дмитрий Юрьевич Тру-

бежкой, отец будущего «Комода» Ивана Дмитриевича. При нем в 1774–1775 гг. строительство было завершено, западный флигель, прежде короткий, был достроен; высота обоих флигелей была увеличена еще на один этаж. По задумке князя Трубецкого флигель соединили с главным домом переходами, после расширенными (до 1803 г.). В торце восточного флигеля разместились парадная лестница. В 1783 г. парадный двор усадьбы был замкнут в глубине двухэтажным корпусом с проездом посередине, уже в советское время этот корпус надстроили третьим этажом.

«Дом-комод» на Покровке является не только хорошо сохранившимся памятником пушкинской Москвы, это еще и редкий, совершенно необычный образец русской архитектуры позднего барокко второй половины XVIII в., единственный в своем роде.

Пушкин к тому времени, как начал заниматься танцами, совершенно переменился, став весьма резвым и непоседливым мальчиком. «Саша был большой увалень, – утверждала Е.П. Янькова, – и дикарь, кудрявый, со смуглым личиком, не слишком приглядным, но с очень живыми глазами, из которых так искры и сыпались. Иногда мы приедем, а он сидит в зале, в углу, огорожен кругом стульями: что-нибудь накуролесил и за это оштрафован, а иногда и он с другими пустится в плясы, да так как очень он был неловок, что над ним кто-нибудь посмеется, вот он весь покраснеет, губу надует, уйдет в свой угол, и во весь вечер его со стула никто тогда

не стащит: значит, его за живое задели, и он обиделся; сидит одинешенек».

Помимо дома Трубецких, брата и сестру Пушкиных возили заниматься танцами к Бутурлиным на Язу, к Сушковым на Большую Молчановку (здесь Саша влюбился в Сою Сушкову) и на четверги к танцмейстеру Петру Андреевичу Йогелю, снимавшему зал в т. ч. и в Благородном собрании. И почти всегда было так: собирая вокруг себя других детишек, Пушкин смешил их эпиграммами собственного сочинения.

С большей долей вероятности можно утверждать, что Пушкин бывал в «доме-комоде» не только в детстве, но и гораздо позже, после возвращения в Москву. С 1825 г. управляющим делами и имениями у Трубецких служил Василий Дмитриевич Корнильев, в прошлом коллежский ассессор и регистратор канцелярии Министерства юстиции.

Сегодня можно лишь догадываться о том, насколько эффективным управляющим он был, – как свидетельствовали современники, бывший коллежский ассессор Корнильев жил на Покровке на широкую ногу и даже давал здесь обеды, обычно по вторникам. Пообедать заходили литераторы пушкинского круга: Баратынский, Погодин и другие. Михаил Погодин, между прочим, бывал здесь и в качестве домашнего учителя семьи Трубецких, об интересе к стихам Пушкина своего ученика Николеньки Трубецкого он писал в своем дневнике.

Управляющий пригласил к себе на обед Пушкина, ско-

рее всего, после возвращения поэта в Москву из ссылки. Недаром же в сентябре 1826 г. Корнильев присутствовал у князя Вяземского на чтении Пушкиным «Бориса Годунова». Встречались они и раньше – у Карамзиных в 1818 г. в Петербурге.

Здесь же на Покровке встречала гостей и жена Корнильева, дочь командора Биллингса, исследователя Сибири и Севера, участвовавшего в третьей кругосветной экспедиции Джеймса Кука. Было у Василия Дмитриевича и другое существенное родство. Он приходился дядей Дмитрию Ивановичу Менделееву. Старшая сестра химика Екатерина Ивановна часто бывала у дяди-управляющего. Видели здесь и самого Дмитрия Ивановича. Считается также, что он жил здесь, пользуясь гостеприимством дяди, в 1849–1850 гг. (по другой версии, ученый жил в другом доме Корнильева – в Уланском переулке на Сретенке, куда тот переехал после отставки у Трубецких).

С середины XIX в. в усадьбе помещалась Четвертая мужская гимназия, основанная в 1849 г. для подготовки к поступлению в Московский университет. Ранее гимназия занимала дом Пашкова. Когда же в 1861 г. дом Пашкова передали Румянцевскому музею, университет приобрел для гимназии «дом-комод», где она и располагалась вплоть до 1917 г.

«В московском саду графа Бутурлина»

Усадьба Бутурлиных, XVIII в. (**Госпитальный пер., № 4а/2**). Здесь в 1809–1810 гг. Пушкин часто бывал у Бутурлиных – дальних родственников его матери. В усадьбе жили граф Дмитрий Петрович Бутурлин – библиофил, сенатор – и его жена Анна Артемьевна, урожденная Воронцова. Она приходилась троюродной сестрой матери Пушкина Надежде Осиповне. Отец Бутурлиной Артемий Иванович Воронцов стал крестным отцом Александра Пушкина. Дети Бутурлиных – сыновья Михаил и Петр, дочери Елена, Елизавета, Мария и Софья – приходились четвероюродными братьями и сестрами Пушкину.

Сохранилось свидетельство поэта и литературоведа М.Н. Макарова, видевшего маленького Александра Пушкина у Бутурлиных: «Когда это было, в 1810, 1811 и в какую именно пору, право, этого хорошенько и точно я теперь сказать не могу. Тридцать лет назад – порядочная работа для памяти человеческой. Однако ж я очень помню, что в этот год, да, именно в этот, когда я узнал Александра Сергеевича Пушкина, я, начиная с октября или с ноября месяца, непременно, как по должности, каждосубботно являлся к графу Дмитрию Петровичу Бутурлину.

Молодой Пушкин, как в эти дни мне казалось, был скром-

ный ребенок; он очень понимал себя; но никогда не вмешивался в дела больших и почти вечно сживал как-то в уголочке, а иногда стаивал, прижавшись к тому стулу, на котором угораздывался какой-нибудь добрый оратор, басенный эпиграммист, а еще чаще подле какого же нибудь графчика чувств; этот тоже читывал и проповедовал свое; и если там или сям, то есть у того или другого, вырывалось что-нибудь превыспреннепиитическое, забавное для отрока, будущего поэта, он не воздерживался от улыбки. Видно, что и тут уж он очень хорошо знал цену поэзии.

Однажды точно, при подобном же случае, когда один поэт-моряк провозглашал торжественно свои стихи и где как-то пришлось:

*И этот кортик,
и этот чертик! —*

Александр Сергеевич так громко захохотал, что Надежда Осиповна, мать поэта Пушкина, подала ему знак – и Александр Сергеевич нас оставил. Я спросил одного из моих приятелей, душою преданного настоящему чтецу: "Что случилось?" – "Да вот шалун, повеса!" – отвечал мне очень серьезно добряк-товарищ.

Я улыбнулся этому замечанию, а живший у Бутурлиных ученый француз Жиле дружески пожал Пушкину руку и, оборотясь ко мне, сказал: "Чудное дитя! как он рано все на-

чал понимать! Дай Бог, чтобы этот ребенок жил и жил; вы увидите, что из него будет". Жиле хорошо разгадал будущее Пушкина; но его "дай Бог" не дало большой жизни Александру Сергеевичу.

В теплый майский вечер мы сидели в московском саду графа Бутурлина; молодой Пушкин тут же резвился, как дитя, с детьми. Известный граф П... упомянул о даре стихотворства в Александре Сергеевиче. Графиня Анна Артемьевна (Бутурлина), необыкновенная женщина в светском обращении и приветливости, чтобы как-нибудь не огорчить молодого поэта, может быть, нескромным словом о его питическом даре, обращалась с похвалою только к его полезным занятиям, но никак не хотела, чтоб он показывал нам свои стихи; зато множество живших у графини молодых девиц, иностранок и русских, почти тут же окружили Пушкина со своими альбомами и просили, чтоб он написал для них хоть что-нибудь. Певец-дитя смешался. Некто NN, желая поправить это замешательство, прочел детский катрен поэта, и прочел по-своему, как заметили тогда, по образцу высокой речи. Александр Сергеевич успел только сказать: "Ah! mon Dieu", – и выбежал.

Я нашел его в огромной библиотеке графа Дмитрия Петровича; он разглядывал затылки сафьяновых фолиантов и был очень недоволен собою. Я подошел к нему и что-то сказал о книгах. Он отвечал мне: "Поверите ли, этот г. NN так меня озадачил, что я не понимаю даже и книжных затылков".

Вошел граф Дмитрий Петрович с детьми, чтоб показать им картинки какого-то фолианта. Пушкин присоединился к ним, но очень скоро ушел домой.

В детских годах, сколько я помню Пушкина, он был не из рослых детей и все с теми же африканскими чертами физиономии, с какими был и взрослым, но волосы в малолетстве его были так кудрявы и так изящно завиты африканскою природою, что однажды мне И.И. Дмитриев сказал: "Посмотрите, ведь это настоящий арабчик". Дитя рассмеялось и, оборотясь к нам, проговорило очень скоро и смело: "По крайней мере, отличусь тем и не буду рябчик". Рябчик и арабчик оставались у нас в целый вечер на зубах».

Последний эпизод из записок Макарова о его знакомстве с Пушкиным относится скорее всего к 1809 г., т. к. в этом году Дмитриев уже переехал в Петербург. Пушкин в своем каламбуре «арабчикрябчик» уколол маститого поэта в отместку за его реплику – у Дмитриева было рябое лицо.

Витиеватая внешность смуглого Пушкина уже тогда отличала его от кучи сверстников, порождая разного рода толки. Вдохновляла она и поклонников поэта: «В каждом негре я люблю Пушкина и узнаю Пушкина», – писала Марина Цветаева в 1937 г. в очерке «Мой Пушкин».

С детства Пушкин был жаден до книг. Сестра его вспоминала: «Учился Александр Сергеевич лениво, но рано обнаружил охоту к чтению и уже девяти лет любил читать Плуларха или "Илиаду" и "Одиссею" ... Не довольствуясь тем, что

ему давали, он часто забирался в кабинет отца и читал другие книги; библиотека же отцовская состояла из классиков французских и философов XVIII века». Любовь к чтению развивали детям и родители, читая им вслух занимательные книги. Отец в особенности мастерски читал Мольера.

Среди друзей дома Пушкиных было немало литераторов – историк Николай Михайлович Карамзин (однажды Саша весь вечер просидел у отца на коленях, слушая его), упомянутый баснописец Иван Иванович Дмитриев, поэты Василий Андреевич Жуковский и Константин Николаевич Батюшков. В семье был и свой поэт – брат отца Василий Львович Пушкин, баловался стихками и Александр Юрьевич Пушкин, двоюродный дядя Саши по матери. Все это, несомненно, способствовало проявлению поэтического таланта Пушкина в раннем возрасте. Бывало, он никак не засыпал, его спрашивали: «Что ты, Саша, не спишь?», на что он отвечал: «Сочиняю стихи».

«Первые его попытки были, – писала сестра Ольга, – разумеется, на французском языке... В то же время пробовал сочинять басни, а потом, уже лет десяти от роду, начитавшись порядочно, особенно "Генриады" Вольтера, написал целую героико-комическую поэму, песнях в шести». Тетрадку с поэмой он никому не показывал, но однажды «гувернантка подстерегла тетрадку и, отдавая ее гувернеру Шеделю, жаловалась, что m-r Alexandre занимается таким вздором, отчего и не знает никогда своего урока. Шедель, прочитав первые

стихи, расхохотался. Тогда маленький автор расплакался и в пылу оскорбленного самолюбия бросил свою поэму в печку». А еще Саша любил разыгрывать перед сестрой свеже-сочиненные комедии, но ежели публике (то бишь Ольге) не нравилось, он не обижался...

Некогда территория усадьбы Бутурлиных была куда более обширной, нежели сейчас. На плане 1759 г. главный дом – одноэтажный, с мезонином, который в 1805 г. был надстроен вторым деревянным этажом. Перед домом находился парадный двор с каменными флигелями по бокам. Вход в усадьбу был обозначен воротами посреди чугунной ограды. На воротах, естественно, львы.

В 1810 г., как раз в то время, когда Пушкин удивлял Бутурлиных своими первыми стихами, внуком Екатерины II Александром I именным высочайшим указом по придворной конторе было «повелено поручить в рассмотрение имеющееся в Эрмитаже собрание картин» графу Бутурлину. Выбор Бутурлина на пост директора Эрмитажа оказался не случайным. Современникам граф был известен «глубокой и разносторонней ученостью, иностранцев удивлял своим энциклопедическим всеведением». Бутурлин вслед за Горьким мог бы повторить, что всеведению этому он обязан книгам. Книгам, которые он собирал долгие годы.

Библиотека, в которой мемуарист Макаров застал маленького Пушкина, была главным делом жизни Дмитрия Бутурлина. Граф, обладавший хорошим вкусом и огромным состо-

нием, составил в своем московском доме уникальное книжное собрание, равного которому не было еще в нашем отечестве. Сорок тысяч томов – все, что издавалось в России и Европе. С большим изыском покупал он для себя и самые редкие издания.

В его доме находились, например, книги, отпечатанные первыми европейскими типографиями с 1470 г. до конца XVI в. Были в собрании и рукописные памятники – например, личная переписка короля Генриха IV. Часть библиотеки Бутурлин отправил в свое калужское имение, и потому эти издания сохранились. Но гораздо больше книг осталось в его московской усадьбе, сгоревшей в 1812 г. вместе со всем содержимым. Обратились в пепел и книги в сафьяновых переплетах, когда-то заворожившие «Сашку» Пушкина.

Сад Бутурлина, в котором резвился маленький Александр Сергеевич, также был известен своей красотой и соперничал с юсуповским, что в Огородной слободе. Английский путешественник Кларк писал: «Библиотека, ботанический сад и музей Бутурлина замечательны не только в России, но и в Европе». По воспоминаниям Михаила Бутурлина, «сад доходил до реки Яузы и примыкал одним боком к улице и мосту, ведущим к военному госпиталю. При доме тянулся ряд оранжерей и теплиц с экзотическими растениями».

Усадьба сильно пострадала от пожара 1812 г., долго стояла в развалинах. «Помню, как матушка, – писал М. Бутурлин, – роясь в груде развалин и перегоревшего мусора, под-

бирала обломки любимых Севрских чашек, темно-синих, но превратившихся в черный колер... В числе вещей, остававшихся в нашем доме весною 1812 года, было несколько пудов столового серебра, и если бы оно сгорело, то слитки попадались бы в пепле; но ни соринки серебра не нашлось. Это и есть одно из доказательств, что пожар сопровождался грабежом». Наконец, наследники графа в 1831 г. через два года после его смерти продали весь участок купцу первой гильдии В.А. Розанову, а в 1875 г. бывшая усадьба перешла к купцам Кондрашовым, выстроившим перед главным домом двухэтажные флигеля для ткацких мастерских. В 1887 г. главный дом был перестроен по проекту архитектора И.П. Хероудинова. Сегодня усадьбу и не узнать.

Прожив в Москве до 1811 г., Пушкин хорошо узнал город, бывая в Кремле, забираясь на колокольню Ивана Великого, осматривая с высоты Первопрестольную. В прогулках по московским улочкам и переулкам его сопровождает дядька Никита Тимофеевич Козлов, крепостной Пушкиных, преданный слуга поэта на всю оставшуюся жизнь. Его, «доморощенного стихотворца», также порою посещала муза поэзии. Козлов будет сопровождать Пушкина в южную ссылку, ему к нему он обратится в ироничном стихотворении: «Дай, Никита, мне одеться. В митрополии звонят...». Он же понесет своего раненного на дуэли хозяина из кареты в квартиру, а затем поедет в Святогорский монастырь с гробом поэта.

Женой Козлова была дочь Арины Родионовны Надежда.

Среди прочих взрослых, окружавших поэта в детстве, были учитель русского языка Шиллер, гувернеры и учителя французского языка Монфор, Русло, Шедель, преподававший Закон Божий и русский язык священник Алексей Иванович Богданов, еще один священник – Александр Иванович Беликов, учивший арифметике, а также учительница немецкого языка Лорж и противная гувернантка сестры Пушкина Белли. Словно про них написаны знаменитые строки:

*Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.*

Но пришла пора учиться, как следует, в 20-х числах июля 1811 г. Сашу Пушкина отправляют в лицей, в Петербург. Так закончился его первый и самый лучший, романтический период отношений с Москвой. Вновь увидит родной город Пушкин лишь через пятнадцать лет...

Приехав в Москву 8 сентября 1826 г., поэт не узнает привычные с детских лет места. Куда все подевалось? Пропал город его детства! Уютный, неказистый, деревянный... Кругом главенствуют ампирные особняки с колоннами, роскошные усадьбы вынесены на красные линии главных улиц – Тверскую, Мясницкую, Моховую и прочие. А вот Манеж – огромное невиданное ранее здание для круглогодичных экзерци-

ций солдат, а рядом Александровский сад. А каков новый Большой театр на Петровской (ныне Театральной) площади, а по правую руку еще и Малый вырос! А Неглинки-то, Неглинки-то нет – спрятали ее под землю в трубу, а ведь когда-то текла она через всю площадь, да и не площадь это была, а болото какое-то... Да, совсем по-другому стала выглядеть Москва. Пожар 1812 г., в котором сгорело три четверти зданий, почти начисто уничтожил ту, старую патриархальную столицу и, по мнению некоторых, поспособствовал «ей много к украшению».

Москва в те дни предстанет перед Пушкиным похорошевшей, повод к чему даст коронация государя Николая I. Город по этому случаю почистили и помыли, приукрасили к торжественным событиям, приведя в праздничный вид. Традиция возведения на престол самодержцев в московском Кремле складывалась столетиями, даже Петр I не решился перенести ее ритуал в новую столицу (передав Санкт-Петербургу все прочие столичные функции). Так и называли Москву – Первопрестольная.

Николай прибыл на коронацию 25 июля 1826 г., торжества растянулись более чем на месяц. Главная церемония «коронования» (как тогда выражались) состоялась в Успенском соборе Кремля 22 августа 1826 г. Праздничная программа оказалась, как всегда, насыщенной и включала в себя представление императору и императрице Синода, Сената и иностранных послов, а также военных, придворных, предводи-

телей дворянства, купечества. Ну и, конечно, балы – сначала в Грановитой палате 27 августа, затем в Благородном собрании 6 сентября, потом в домах богатейших московских вельмож. А еще торжественные обеды и маскарад в Большом театре, народное гулянье на Ходынском поле. Чтобы их величества не устали, дни напряженной работы на балах и ужинах чередовались днями отдыха.

Но это все официальная хроника. А что же было между строк? По словам очевидца, коронационные торжества проходили в тени декабристских казней: «Описать или словами передать ужас и уныние, которые овладели всеми, нет возможности: словно каждый лишился своего отца или брата. Вслед за этим известием (о казни. – *А.В.*) пришло другое – о назначении дня коронации Императора Николая Павловича. Его приезд в Москву, самая коронация, балы придворные, а равно балы у иностранных послов и у некоторых московских вельможей, – все происходило под тяжелым впечатлением совершившихся казней. Весьма многие оставались у себя в деревнях; и принимали участие в упомянутых торжествах только люди, к тому обязанные по службе. Император был чрезвычайно мрачен; вид его производил на всех отгаликивающее действие; будущее являлось более чем грустным и тревожным».

Мрачное настроение государя то ли передалось москвичам, то ли, напротив, было вызвано настороженным отношением Москвы к царю. Все все понимали, но вслух стара-

лись не произносить. Месяц, проведенный Николаем Павловичем в Москве, не изменил ситуацию в лучшую сторону. Москвичи не оценили его доброты, когда он заменил декабристам четвертование повешением. «Все это не помешало московскому населению, – свидетельствовал Н.И. Сазонов, – остаться холодным и равнодушным к молодому императору, и Николаю много раз приходилось с огорчением замечать, что среди всех его придворных единственным человеком, вызывающим сочувствие и симпатию в народе, была старая княгиня Волконская, мать генерала Волконского, приговоренного к пожизненной каторге».

Для Николая все более актуальным становился вопрос о необходимости принятия такого решения, которое в корне позволило бы ему изменить общественное мнение. Но как это продемонстрировать? Посыл должен быть знаковым, после чего москвичи задумаются – а уж такой ли лютый тиран Николай Павлович? И хочет ли он действительно превратить Россию в одну большую Петропавловку? Быть может, он не такой и деспот, а, скорее, вынужден был им стать вследствие возникших обстоятельств. На самом деле он другой (вот и либерала Жуковского назначил воспитателем наследника престола). И даже сочувствует некоторым пострадавшим, «сообразуясь с Высокомонаршим милосердием, в сем самом деле явленным смягчением казней и наказаний, прочим преступникам определенным», – так говорилось в приговоре суда над декабристами.

Тут и пригодилось покаянное письмо Пушкина, посланное им из Михайловского. Пройдя, наконец, через бюрократическое сито и, к счастью, не застряв надолго в руках разного уровня чиновников, оно дошло до адресата и показалось Николаю I на редкость своевременным. 28 августа государь соизволил «высочайше Пушкина призвать сюда».

Почувствовал царь, что и место, и время для публичного прощения Пушкина и окончания его ссылки подходит как нельзя кстати. И это он должен сделать лично, не доверяя своим вельможам и отдавая тем самым должное таланту и авторитету поэта в глазах общества. И не в Петербурге его надобно принять, где в толпе жаждущих попасть на царскую аудиенцию поэт может и затеряться, а именно в Первопрестольной, превратив долгожданную встречу в историческую, сделав ее частью коронационных торжеств. В Петербурге он казнил, а в Москве простит. Но самое главное, что Николай решил показать: не с казни началось его истинное царствование, а с прощения Пушкина. Тем самым царь как бы переворачивал прежнюю, связанную с декабристами страницу.

Интересно, что и Пушкин с коронацией связывал определенные надежды. И здесь его опять же поддерживали друзья. Еще 7 апреля Дельвиг пишет ему в Михайловское: «Дождись коронации, тогда можно будет просить царя, тогда можно от него ждать для тебя новой жизни. Дай Бог только, чтоб она полезна была для твоей поэзии». Пушкин ждал коронации, 14 августа признавшись Вяземскому, что надеется на

нее: «Повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна». Поэт рассчитывал на милость царя не только по отношению к себе, но и к декабристам, на возможную амнистию.

И вот к изумлению многих москвичей в привычную уже череду празднеств вмешалось совершенно неожиданное событие – царь принял в Малом Николаевском дворце Кремля (снесен в 1929 г.) не иностранного дипломата или высокого вельможу, а... ссыльного Александра Пушкина! Сам факт встречи произвел огромное впечатление и на всю Россию. Ибо Пушкин к тому моменту не находился на какой-либо службе, будь то государственная или военная: «Это было неслыханное событие! Ибо никогда еще не видано было, чтобы царь разговаривал с человеком, которого во Франции назвали бы пролетарием и который в России имел гораздо меньшее значение, чем пролетарий у нас, ибо Пушкин, хотя и был дворянского происхождения, не имел никакого чина в административной иерархии, а человек без ранга не имеет в России никакого общественного значения, его называют "homme honoraire" – существом сверхштатным», – удивлялся Адам Мицкевич.

Повеление царя исполнили точно, доставив поэта в Кремль незамедлительно: в 4 часа пополудни 8 сентября 1826 г., прямо с дороги, он даже не завез багаж в гостиницу. Ему не дали времени ни переодеться, ни побриться, как будет рассказывать брат Лев, «небритый, в пуху, измятый, был

он представлен к дежурному генералу Потапову и с ним вместе поехал тотчас же во дворец и введен в кабинет государя».

А царь в это время готовился к балу, что давал прибывший на коронацию французский маршал Огюст Фредерик Луи Виесс де Мармон, герцог Рагузский. Бал должен был пройти в доме князя Куракина на Покровке. И вдруг – Пушкин! Значит, для Николая I встреча с ним имела первостепенный характер.

Тот сентябрьский день выдался холодным – всего 8 градусов, и потому в царском кабинете горел камин. Царю и поэту было о чем поговорить. Познакомиться они могли бы еще в 1811 г., ибо Царскосельский лицей и создавался с целью воспитания в нем братьев Александра I, дабы избавить их от влияния матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Но не сложилось: Николая и Михаила воспитывал граф Матвей Ламздорф, сторонник строгих педагогических методов.

Стенограмма той встречи не велась, более того, не было сделано и записи в камер-фурьерском журнале. Но осталось порядка тридцати рассказов о ней, число которых лишь множилось с течением времени. Конечно, нам было бы интересно сравнить, как рассказывал об этой встрече царь и что говорил Пушкин. Со слов царя директор Императорской публичной библиотеки М.А. Корф (кстати, соученик Пушкина по лицее) в 1848 г. записал в своем дневнике следующее:

«Я, – говорил государь, – впервые увидел Пушкина после

моей коронации, когда его привезли из заключения в Москву совсем больного и покрытого ранами – от известной болезни. "Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге?" – спросил его между прочим. – "Стал бы в ряды мятежников", – отвечал он. На вопрос мой, переменялся ли его образ мыслей и дает ли он мне слово думать и действовать иначе, если я пушу его на волю, он наговорил мне пропасть комплиментов насчет 14 декабря, но очень долго колебался прямым ответом и только после длинного молчания протянул мне руку с обещанием – сделаться другим».

Гораздо больше свидетельств было сделано друзьями и знакомыми Пушкина, и даже агентами тайной полиции. Так, москвичка А.Г. Хомутова писала: «Рассказано Пушкиным. Фельдъегерь внезапно извлек меня из моего непроизвольного уединения, привезя по почте в Москву, прямо в Кремль, и всего в пыли ввел меня в кабинет императора, который сказал мне: "А, здравствуй, Пушкин, доволен ли ты, что возвращен?" Я отвечал, как следовало в подобном случае. Император долго беседовал со мною и спросил меня: "Пушкин, если бы ты был в Петербурге, принял ли бы ты участие в 14 декабря?" – "Неизбежно, государь, все мои друзья были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них. Одно отсутствие спасло меня, и я благодарю за то Небо". – "Ты довольно шалил, – возразил император, – надеюсь, что теперь ты образумишься и что размолвки у нас вперед не будет. Присылай все, что напишешь, ко мне; отныне я буду твоим цен-

зором"».

И в том, и в другом рассказе есть немало общего, сведений набралось на два абзаца, но беседа-то продолжалась больше часа. О чем же еще говорили в Малом Николаевском дворце поэт и царь? Ответить на этот вопрос помогает одна из самых поздних по времени публикаций – мемуары польского литератора Юлиуша Струтыньского, опубликованные в 1873 г. в Кракове. Они куда более подробны и рисуют образ совсем другого Пушкина, не того, который был, по выражению современников, «обольщен царем» (этой точки зрения придерживался Александр Герцен). Вот, например (если верить мемуаристу), что говорил Пушкин о Николае: «Не купил он меня золотом, ни лестными обещаниями, потому что знал, что я непродаетен и придворных милостей не ищущ; не ослепил он меня блеском царского ореола, потому что в высоких сферах вдохновения, куда достигает мой дух, я привык созерцать сияния гораздо более яркие; не мог он и угрозами заставить меня отречься от моих убеждений, ибо кроме совести и Бога я не боюсь никого, не дрожу ни перед кем. Я таков, каким был, каким в глубине естества моего останусь до конца дней: я люблю свою землю, люблю свободу и славу отечества, чту правду и стремлюсь к ней в меру душевных и сердечных сил; однако я должен признать (ибо отчего же не признать), что Императору Николаю я обязан обращением моих мыслей на путь более правильный и разумный, которого я искал бы еще долго и может быть тщетно... Вместо надменного деспота,

кнутодержавного тирана я увидел человека рыцарски-прекрасного, величественно-спокойного, благородного лицом».

Важно не только то, что говорилось во дворце, но и то, что было сказано после. По словам Мицкевича, «Пушкин был тронут и ушел глубоко взволнованный. Он рассказывал своим друзьям-иностранцам, что, слушая императора, не мог не подчиниться ему. "Как я хотел бы его ненавидеть! – говорил он. – Но что мне делать? За что мне ненавидеть его?"». А иные мемуаристы утверждают, что Пушкин вышел из царского кабинета со слезами на глазах от переполнявших его эмоций, видимо подвигнувших его на написание знаменитых «Стансов» в декабре 1826 г., где он сравнил Николая I с Петром Великим:

*В надежде славы и добра
Гляжусь вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.*

*Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.*

*Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.*

*То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.*

*Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращурю подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.*

Что же до царя, то вечером, на том самом балу, он назвал Александра Сергеевича «умнейшим человеком в России» (в разговоре с Д.Н. Блудовым). Слова эти тотчас разошлись по Москве. Что имел в виду государь? Вероятно, что речь шла о самых разных внутривластных вопросах, обсуждавшихся при разговоре, в частности о народном воспитании. Спустя два месяца поэт представил царю записку на эту тему. Можно предположить, что разговор в Кремле шел и о будущем учреждении «секретного комитета 6 декабря 1826 года», который должен был заниматься вопросом о положении крестьян, о планах преобразований.

Войдя в кабинет царя ссылкой, поэт вышел оттуда свободным (хотя присматривать за ним не перестали). Но и царь приобрел союзника, недаром он сказал: «Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин» (по воспоминаниям В.Ф. Вяземской). Вполне верится и в то, что они пожали друг дру-

гу руки. А Пушкин еще и дал царю слово, что следует из письма к нему Бенкендорфа, написанного спустя восемь месяцев: «Его величество... не сомневается в том, что данное русским дворянином государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, – будет в полном смысле сдержано». Сдержать данное слово призывал Пушкина ранее и Вяземский.

«...Все прыгают и поздравляют тебя», – писал поэту Дельвиг из столицы, узнав о том, как счастливо окончилась поездка друга в Москву. Пушкин дал большую пищу не только современникам, но и исследователям своего творчества своим разговором с царем. В частности, Ю.М. Лотман утверждал, что Пушкин «желал направить молодого государя на путь реформ». Но вряд ли поэт (он был на три года моложе Николая) мог иметь такое огромное влияние на царя, чтобы куда-то его направлять. Николай I, судя по всему, не читал его стихов до этого разговора, будучи лишь много наслышан о них от тех же декабристов на допросах, приказав изъять их из следственных дел и сжечь.

После этой встречи Пушкин «подружился с правительством», получил разрешение проживать в Москве и Петербурге и освобождение от общей цензуры. Отныне его цензором стал сам Николай I, что ставило поэта в особое привилегированное положение – жаловаться оставалось только Господу Богу. Прямая связь с царем осуществлялась через Бенкендорфа (см. его письмо Пушкину от 30 сентября

1826 г.). Естественно, что такой ход событий заведомо определял Пушкина в число сторонников царя, а как же иначе – получить такое доверие монарха не могло означать ничего иного.

Та встреча, высвободившая Пушкина из ссылки, выражаясь словами Дельвига, оказалась полезной для его поэзии, дав ему возможность подняться на литературный пьедестал. В сентябре 1826 г. Пушкин приехал на свою собственную коронацию – первого поэта России. Уехавший из Москвы двенадцатилетним мальчиком, он вернулся в родной город «идолом народным»: «Москва приняла его с восторгом. Везде его носили на руках. Слава Пушкина гремела повсюду; стихи его продавались на вес золота, едва ли не по червонцу за стих; "Кавказский пленник", "Бахчисарайский фонтан", "Цыгане" читались во всех гостиных», – вспоминал А.Н. Муравьев.

Однако нашлись и недовольные, фрондирующей части общества был нужен Пушкин ссыльный, а не свободный, о чем свидетельствовал Мицкевич: «Либералы, однако же, смотрели с неудовольствием на сближение двух potentatov (имеются в виду Пушкин и Николай I. – А.В.). Начали обвинять Пушкина в измене делу патриотическому». И в Москве, и в Петербурге стала известной оскорбительная эпиграмма А.Ф. Воейкова:

Я прежде вольность проповедал,

*Царей с народом звал на суд,
Но только царских щей отведал,
И стал придворный лизоблюд.*

Пушкин вынужден объясняться в стихотворении «Друзьям»:

*Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.*

*Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.*

*О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.*

*Текла в изгнанье жизнь моя,
Влачил я с мильми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер – и с вами снова я.*

*Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,*

*И я ль, в сердечном умиленье,
Ему хвалы не воспою?*

*Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя назовет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.*

*Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный,
Он скажет: просвещенья плод —
Разврат и некий дух мятежный!*

*Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.*

В последней строфе выражены последствия того разговора в Кремле – Пушкин обязан посылать все свои готовящиеся к печати произведения Николаю I, отчитываться перед шефом жандармов о своих поездках, объясняться перед московским полицмейстером за «Андрея Шенье». Александр Сергеевич и это стихотворение дисциплинированно послал царю, который остался совершенно им доволен, но не пожелал, «чтобы оно было напечатано». В 1834 г. Пушкин, разочаровавшись в Николае I, запишет в дневнике: «Кто-то сказал о государе: – Il y a beaucoup du praprotchique en lui, et un

реу du Pierre le Grand. (с фр. – В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого)».

Каким увидели московские обыватели Пушкина осенью 1826 г. и насколько их ожидания оправдались? Вероятно, большая их часть представляла себе Пушкина как на портрете, помещенном в первом издании «Кавказского пленника» 1822 г., – кудрявым пухлым юношей с приятно улыбкой... Теперь это был уже совершенно другой человек: «Худощавый, с резкими морщинами на лице, с широкими бакенбардами, покрывавшими всю нижнюю часть его щек и подбородка, с тучею кудрявых волос. Ничего юношеского не было в этом лице, выражавшем угрюмость, когда оно не улыбалось. Я был так поражен неожиданным явлением, нисколько не осуществлявшим моего идеала, что не скоро мог опомниться от изумления и уверить себя, что передо мною находился Пушкин», – писал один из впервые увидевших поэта современников.

А те, кто был знаком с Пушкиным ранее, отмечали произошедшие с ним изменения: «Пушкин очень переменялся и наружностью: страшные черные бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выражение; впрочем, он все тот же, – так же жив, скор и по-прежнему в одну минуту переходит от веселости и смеха к задумчивости и размышлению».

Да, переменялся Пушкин. Но ведь и Москва изменилась, она стала другой. Если 1812-й год преобразил ее внешне, то отголоски декабристского восстания, грянувшего в 1825 г.,

привнесли немало нового в атмосферу московской жизни, о чем Александр Сергеевич не преминул написать в статье «Путешествие из Москвы в Петербург»:

«Некогда в Москве пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешево-му хлебосольству; некогда Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое изо всех провинций съезжалось в нее на зиму...

Невинные странности москвичей были признаком их независимости. Они жили по-своему, забавлялись как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. Бывало, богатый чу-дак выстроит себе на одной из главных улиц китайский дом с зелеными драконами, с деревянными мандаринами под золочеными зонтиками. Другой выедет в Марьину Рошу в карете из кованого серебра 84-й пробы. Третий на запятки четвероместных саней поставит человек пять арапов, егерей и скороходов и цугом тащится по летней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургские моды, налапали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки Москвы. Но куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда девались балы, пиры, чудачки и проказники – все исчезло: остались одни невесты, к которым нельзя по крайней мере применить грубую поговорку «*vielles comme les rues*» (франц. «стары, как улицы»): московские улицы благодаря 1812 г. моложе мос-

ковских красавиц, все еще цветущих розами!

Ныне в присмирившей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину 30 рублей в месяц за квартиру; великолепный бельэтаж нанят мадамой для пансиона – и то слава богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает.

Улицы мертвы; редко по мостовой раздается стук кареты; барышни бегут к окошкам, когда едет один из полицмейстеров со своими казаками. Подмосковные деревни также пусты и печальны. Роговая музыка не гремит в рощах Свирилова и Останкина; плоские и цветные фонари не освещают английских дорожек, ныне заросших травой, а бывало, уставленных миртовыми и померанцевыми деревьями.

Упадок Москвы есть неминуемое следствие возвышения Петербурга. Две столицы не могут в равной степени процветать в одном и том же государстве, как два сердца не существуют в теле человеческом. Но обеднение Москвы доказывает и другое: обеднение русского дворянства, происшедшее частью от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротою, частью от других причин, о которых успеем еще потолковать».

Эти строки будут написаны в 1833–1834 гг., а пока 8 сентября из Кремля поэт отправился в номера отеля «Европа»,

располагавшегося в доме Часовникова (не сохр.). Затем – к дяде на Старую Басманную, затем к... Ссылка кончилась, после пятнадцатилетней разлуки с Москвой Пушкин был нарасхват...

«Василья Львовича узнал ли ты манер?»

Дом П.В. Кетчер (Старая Басманная улица, № 36) построен после 1819 г. на месте сгоревшего здания. Здесь в 1826 г. жил Василий Львович Пушкин, дядя Александра Сергеевича. В ту пору фасад дома выделялся дорическим четырехколонным портиком. В конце XIX в. внешний вид здания изменился, исчезли и барельефы с фасада.

Василий Львович Пушкин совершенно не походил на одного всем известного пушкинского дядю, что жил в романе «Евгений Онегин» и был «самых честных правил». Настоящий дядя Пушкина в деревне почти никогда не жил, а обитал, в основном, в Москве, по которой мог пройти с закрытыми глазами. 8 сентября 1826 г. на Старую Басманную к «любезнейшему из всех дядей-поэтов здешнего мира», как окрестил его Пушкин еще в 1816 г., племянник совершил свой первый московский визит (не считая, конечно, аудиенции у царя). В тот день у дяди Пушкин встретился со своим давним приятелем Сергеем Александровичем Соболевским, бывшим однокашником брата Льва по Благородному пансиону, с которым Пушкин близко сошелся в Петербурге еще до ссылки. Именно Соболевскому суждено будет стать «путеводителем» и главным доверенным лицом поэта в Москве (в свой следующий приезд в Москву 19 декабря 1826 г. Пуш-

кин поселится именно у Соболевского **на Собачьей площадке**, дом не сохранился).

Встреча друзей случилась так. Недалеко от дома дяди стоял особняк князя Куракина. «Самое то время, когда царская фамилия и весь двор, пребывавшие тогда в Москве по случаю коронации, съезжались на бал к французскому чрезвычайному послу, маршалу Мармону, в великолепный дом кн. Куракина на Старой Басманной... Один из самых близких друзей Пушкина (С.А. Соболевский), узнавши на бале у французского посла, от тетки его Е.Л. Солнцевой, о неожиданном его приезде, отправился к нему для скорейшего свидания в полной бальной форме, в мундире и башмаках... Соболевский застал Пушкина за ужином. Тут же, еще в дорожном платье, Пушкин поручил ему на завтрашнее утро съездить к известному "американцу" графу Толстому с вызовом на поединок. К счастью, дело уладилось: графа Толстого не случилось в Москве, а впоследствии противники помирились», – писал Бартенев. О причинах несостоявшейся дуэли мы еще расскажем.

Дмитриев, Карамзин, Батюшков, Пушкин – в таком порядке называли имена лучших поэтов России в 1810-х гг. Причем Пушкин – Василий Львович. Поэтическая слава фамилии Пушкиных разнеслась по России еще до того, как впервые проклюнулся талант Александра Пушкина. Его младший брат Левушка с гордостью говорил друзьям по Благородному пансиону: «Я – родной племянник Василья Льво-

вича!»

Владислав Ходасевич нарисовал весьма нелицеприятный портрет пушкинского дяди: «Был у Сергея Львовича старший брат, Василий Львович. Наружностью они были схожи. Оба имели рыхлые пузатые туловища на жидких ногах, волосы редкие, носы тонкие и кривые; у обоих острые подбородки торчали вперед, а губы сложены были трубочкой. У Василия Львовича были вдобавок редкие и гнилые зубы».

Не пощадил фигуру Василия Львовича и Юрий Тынянов, выведя его тщеславным фанфароном, «с косым брюхом и короткими ногами», да еще и косоглазым «от природы». Характеристики даны с такими подробностями, будто бы писались с натуры. Почему-то особенно не понравились процитированным литераторам ноги Василия Львовича.

Насколько внешний облик этого человека соответствовал его «морально-нравственным» качествам? Таким ли был Василий Львович Пушкин, поэт-карамзинец, критик, библиофил и театрал, ветеран литературных войн, член литературного общества «Арзамас» по кличке «Вотрушка»?

Московский уроженец (родился в 1766 г.), служил он в Измайловском полку, из которого в 1797 г. гвардии поручиком вышел в отставку. Более нигде не числился и не работал, полностью отдавшись сочинению элегий, басен, экспромтов и прочих поэтических миниатюр. Переломным моментом в его биографии стал вояж за границу в 1803–1804 гг., вызвавший немало толков в кругах «московской общественности».

Баснописец Иван Дмитриев отозвался на сие событие ироническим стихотворением «Путешествие N.N. в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия» (уже в самом названии – издевка). Под инициалами N.N. автор вывел шаржированный образ Василия Львовича, хвастающего читателя:

*Друзья! сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!
Садитесь вы друг к другу ближе...
Мой маленький журнал читать...
...
Я вне себя от восхищенья!
В каких явлюсь к вам сапогах!
Какие фраки! Панталоны!
Всему новейшие фасоны!*

После возвращения «оттуда» авторитет Василия Львовича начал расти как на дрожжах. Он «был в блеске и славе, признанный поэт и московский ветреник», – писал Тынянов. Он не только приоделся в Париже, произведя настоящий фурор среди московских модниц, но и привез с собою ценнейшую библиотеку, сразу ставшую пределом мечтаний записных библиофилов, и даже графа Бутурлина. Потянулся к книжным полкам дяди и подрастающий кучерявый племянник.

«Про него говорили: "с'est un Poete!!!", с каким благого-

вением я стал смотреть на него!!! Это было первое впечатление; впоследствии меня привлекли к нему рассказы о Париже, Наполеоне, других знаменитостях, с которыми меня знакомили книги; сверх того, он стал обращать внимание на меня, учил меня громко читать, как читывал Тальма, и сцены из французских трагиков, и "Певца" Жуковского, и оду Карамзина "Конец победам! Богу слава!", и даже слушал и поправлял мои вопросы! Как же мне было не любить этого доброго Василья Львовича?» – вспоминал Соболевский.

Наполеона Василий Львович и вправду видел, удостоившись у него приема: «Мы были в Сен-Клу представлены первому консулу. Физиогномия его приятна, глаза полны огня и ума; он говорит складно и вежлив. Аудиенция продолжалась около получаса».

Не только сверстники Пушкина, но и дамы более сознательного возраста с придыханием внимали доброму Василию Львовичу (во многих мемуарах той поры имя и отчество его неразрывно упоминаются с прилагательным «добрый») – ведь он захватил с собою из Франции еще и рецепты парижских ресторанов.

Как и его брат Сергей, твердой преданностью семейным устоям Василий Львович не отличался. Разведясь в июле 1806 г. с Капитолиной Михайловной Вышеславцевой, согласия Церкви на второй брак он не получил (причина развода – измена первой жене, в которой он сам же письменно и признался). Поэтому со следующей женой – вольноотпущенной

Анной Николаевной Ворожейкиной – жил он гражданским браком. С ней же он и выехал в Петербург летом 1811 г., когда повез племянника для определения его в Царскосельский лицей.

В том же году Василий Львович прославился на поэтической ниве, написав фривольно-сатирическую поэму «Опасный сосед», чрезвычайно быстро в списках разошедшуюся по московским салонам. В ней он изобразил так знакомую ему жизнь «кофейного» дома, его доступных обитательниц и гостей, фамилия одного из которых (Буянов) вскоре стала нарицательной. Местом действия поэмы (все-го-то в несколько страниц) автор избрал Москву, сложив в одну стезю «Кузнецкий мост и вал, Арбат, и Поварскую».

С восторгом встретили коллеги-литераторы постучавшегося в дверь «Опасного соседа». «Вот стихи! Какая быстрота, какое движение! И это написала вялая муза Василия Львовича!» – сострил Константин Батюшков. Ему в стихотворной форме вторил Евгений Баратынский:

*Плодятся без усилья,
Горят, кипят зазорные стихи,
И складные страницы у Василья
Являются в тетрадях чепухи.*

Остроумная и долгое время «неудобная для печати» поэма, в которой автор по ходу дела еще и осмеял противников Карамзина, на родине была напечатана лишь в начале два-

дцатого века (а за границей – еще в 1815 г.!). Наложённое цензурой вето на официальную публикацию «Опасного соседа» не только не мешало, а, напротив, способствовало росту популярности поэмы. Так обычно и бывает в подобных случаях.

Кажется, что одним из первых читателей неприличной поэмы дяди стал двенадцатилетний племянник Александр. Когда вскоре после приезда Пушкиных в Петербург в 1811 г. Иван Дмитриев пригласил к себе в гости Василия Львовича, то добрый дядюшка захватил с собою и племянника. Мальчика попросили выйти на время чтения взрослых стихов, на что дерзкий Саша ответил: «Зачем вы меня прогоняете, я все знаю, я все уже слышал».

Всего через четыре года в стихотворении «Городок» в 1815 г. лицеист Пушкин напишет: «И ты, замысловатый Буянова певец, в картинах толь богатый и вкуса образец». В дальнейшем Александр Сергеевич не раз хвалил «Опасного соседа», говоря о том, что эта поэма так хороша, оригинальна и есть самое лучшее из всего дядей сочиненного. А однажды его спросили – не тот ли он Пушкин, что написал эту поэму? Было это в 1821 г. И. Липранди вспоминал, что вопрос этот вызвал у Александра Сергеевича досаду и огорчение. Быть может, поэтому Александр Сергеевич пригласил главного действующего персонажа «Опасного соседа» по фамилии Буянов на страницы своего романа «Евгений Онегин». Перекочевавший Буянов стал, в самом деле, гостем романа,

попав сразу на бал к Лариным:

*Мой брат двоюродный, Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком).*

Двоюродный брат – так Пушкин обозначает свое «непрямое родство» с этим персонажем, подчеркивая сей факт для сомневающихся. Ведь породил Буянова родной дядя поэта, Василий Львович.

Василий Львович не мог не повлиять на формирование Пушкина-поэта: маленький Саша, в детстве часто слушая его стихи, «затвердил некоторые наизусть и радовал тем почтенного родственника», – вспоминал его отец. Племянник отдал должное дяде уже в 1815 г., написав, что «с музами сосватал» его «дядюшка-поэт» («К Дельвигу»).

В марте 1816 г. Василий Львович вместе с Карамзиным и Вяземским навестили лицеиста Пушкина. Вскоре после этого посещения Пушкин пишет дяде стихотворное послание: «Христос воскрес, питомец Феба» (Феб – один из эпитетов древнегреческого бога Аполлона как божества света).

Эпистолярный диалог продолжил Василий Львович, в письме от 17 апреля назвав племянника «братом по Аполлону». Пушкин собрался ему ответить на это письмо лишь в январе 1817 г. стихотворно-прозаическим посланием «Тебе, о Нестор Арзамаса» (5 стихов этого послания распространялись в лицейских списках как самостоятельное произведе-

ние под названием «Дяде, назвавшему сочинителя братом»):

*Тебе, о Нестор Арзамаса,
В боях воспитанный поэт, —
Опасный для певцов сосед
На страшной высоте Парнаса,
Защитник вкуса, грозный Вот!
Тебе, мой дядя, в новый год
Веселья прежнего желанье
И слабый сердца перевод —
В стихах и прозою посланье.*

«Нестором Арзамаса» величает Пушкин дядю как самого старшего арзамасца (старшего годами, но не талантом, что проявлялось в добродушно-ироничном к нему отношении); «Вот», «Вотрушка» – прозвище Василия Львовича среди арзамасцев. Красноречиво и название еще одного стихотворения, обращенного к В.Л. Пушкину, – «Скажи, парнасский мой отец» (1817). На этом разговор поэтов закончился. А вскоре стало ясно, что племянник заткнул дядю за пояс. И в том памятном для Москвы сентябре 1826 г. на Старой Басманной жил уже не «Пушкин», а «дядя Пушкина».

Дядя Александра Сергеевича был также активным участником литературных сражений между шишковистами и карамзинцами. И если бы за это участие раздавали награды, то он получил бы орден. «В те годы словесность уже разделилась на два враждующих стана. В Петербурге старик Шиш-

ков собрал вокруг себя приверженцев русского направления и готов был их вести войной на Москву: там засели карамзинисты, которых он обвинял в порче русского языка и чуть не в измене отечеству. Сам Карамзин относился к Шишкову снисходительно и спокойно; кое в чем он был даже готов признать за Шишковым правоту и, уклоняясь от боя, сдерживал слишком рьяных своих приверженцев, из которых Василий Львович кипятился всех более: боялся, что его не заметят. Ему предоставили постреливать во врага эпиграммами. Кажется, шишковистам было всего обиднее то, что против них выпускают именно Пушкина. Сам же он был чрезвычайно горд», – отмечал Ходасевич.

А в августе 1830 г. Александр Сергеевич прощался с умиравшим Василием Львовичем, присутствуя при его последних минутах. Поэт принял на себя расходы и хлопоты, связанные с похоронами дяди на кладбище Донского монастыря. Отпевали Василия Львовича в церкви св. Никиты Мученика на Басманной (1750-е гг., арх. Д.В. Ухтомский, ныне **Старая Басманная улица, № 16**). Как вспоминал присутствовавший на похоронах М.Н. Макаров, «Дмитриев, подозревая причиною кончины Василия Львовича холеру, не входил в ту комнату, где отпевали покойника. Александр Сергеевич уверял, что холера не имеет прилипчивости, и, отнесясь ко мне, спросил: "Да не боитесь ли и вы холеры?" Я отвечал, что боялся бы, но этой болезни еще не понимаю. "Не мудроно, вы служите подле медиков. Знаете ли, что даже и меди-

ки не скоро поймут холеру. Тут все лекарство один courage, courage (фр. смелей), и больше ничего". Я указал ему на словесное мнение Ф.А. Гильтебранта, который почти то же говорил. "О да! Гильтебрантов не много", – заметил Пушкин. Именно так было, когда я служил по делам о холере. Пушкинское магическое слово courage спасло многих от холеры.

С приметною грустью молодой Пушкин шел за гробом своего дяди; он скорбел о нем как о родственнике и как о поэте». Пушкину сопутствовали Вяземский, Погодин, Языков, братья Полевые и многие другие, так высоко оценившие когда-то «Опасного соседа»...

Кончина дяди подкосила Пушкина скорее материально, чем морально: на следующий день после сего печального события, 21 августа, поэт отписал Е.М. Хитрово: «В довершение всех бед и неприятностей только что скончался мой бедный дядюшка Василий Львович. Надо признаться, никогда еще ни один дядя не умирал так некстати. Итак, женитьба моя откладывается еще на полтора месяца, и Бог знает, когда я смогу вернуться в Петербург». «Некстати» означало то, что Пушкин опять попал в кредиторскую зависимость (похоронить в Донском монастыре и тогда стоило дорого). Своему будущему родственнику – деду невесты Афанасию Гончарову, живущему в Полотняном заводе, – Пушкин жалуется 24 августа 1830 г.: «Смерть дяди моего, Василья Львовича Пушкина, и хлопоты по сему печальному случаю расстроили опять мои обстоятельства. Не успел я выйти из долга, как

опять принужден был задолжать».

Вспоминал ли Пушкин в тот печальный день о том, как в июньский полдень 1811 г. вся семья провожала его в Петербург? Тетушка Анна Львовна, утирая слезы, сунула племяннику сторублевую купюру – «на орехи». Не успела коляска миновать пределы Москвы, как дядюшка Василий Львович забрал у мальчика деньги, выдав ему взамен всего три рубля и посулив вручать Александру деньги по частям. Память у Василия Львовича оказалась короткой...

После смерти дяди племянник однажды вспомнил его в стихах, поздравляя в 1831 г. Вяземского с почетным знаком камергера («Любезный Вяземский, поэт и камергер...»).

Несмотря на то, что здание отмечено мемориальной доской с надписью «Александр Сергеевич Пушкин бывал в этом доме у своего дяди, поэта В.Л. Пушкина», ряд пушкинистов, однако, высказывают определенные сомнения в том, что А.С. Пушкин приехал к Василию Львовичу именно в этот дом, ибо с октября 1824 г. Василий Львович имел собственный дом, оставленный ему по завещанию сестры Анны Львовны, находившийся на той же улице по соседству (№ 28). Но в любом случае встреча их произошла на Старой Басманной.

А этот маленький, обшитый деревянными досками домик, приютившийся на старой московской улице, стал еще одним московским музеем – музеем Василия Львовича Пушкина, тем более что значительная часть интерьера до-

шла до нашего времени в хорошей степени сохранности. Сохранилась угловая печь в гостиной, остатки дубовых полов и искусственного мрамора, украшавшего стены гостиной, и даже филленчатые двери. Все это привели в порядок московские реставраторы.

«Октября 12 поутру, спозаранку мы ожидали Пушкина»

Усадьба Веневитиновых (**Кривоколенный пер., № 4**). Дом, очевидно, возведен в 1760-х гг. на основе еще более ранних старинных палат, перестраивался в конце XVIII в., в 1830-х и в 1920–1930-х гг. Особняк стал собственностью богатой дворянской семьи Веневитиновых в 1803 г., когда его приобрел глава семейства, прапорщик Владимир Петрович Веневитинов (ум. в 1814 г.). Его жена Анна Николаевна, урожденная Оболенская, родила ему четверых детей: Алексея, Дмитрия, Петра и Софью. Поскольку княжна Оболенская находилась в родственных отношениях с семьей Пушкиных, то сам Александр Сергеевич Пушкин приходился ее детям четверо-юродным братом.

Вполне вероятно, что Пушкин познакомился с семьей Веневитиновых еще в отрочестве. Как и он, дети Веневитиновых бывали на популярных в 1800-х гг. в Москве детских праздниках, устраивавшихся в доме Трубецких на Покровке.

Дети рано остались без отца, воспитывала их в основном мать. Именно благодаря ей они получили классическое домашнее образование, изучили французский, латынь, греческий языки. А Дмитрий Веневитинов рано увлекся немецкой философией и романтической поэзией.

Братья Веневитиновы – воспитанники Московского уни-

верситета, по окончании которого они поступили на службу в Московский архив Министерства иностранных дел в Хохловском переулке, где в 1823 г. сформировался литературно-философский кружок «Общество любомудрия». Членами кружка состояли многие друзья Веневитиновых и близкие им по духу люди – В.Ф. Одоевский, И.В. Киреевский, А.И. Кошелев, Шевырев. Вскоре младший брат Дмитрий стал бессменным секретарем общества.

«Любомудры» собирались и в доме Веневитиновых в Кривоколенном переулке. Увлечение Дмитрия Веневитинова немецкой философией в значительной степени способствовало философской ориентации кружка. Члены общества изучали сочинения Спинозы, Канта, Фихте и особенно Шеллинга, повлияв на формирование диалектики и философии искусства в России. Печатались «любомудры» в журнале «Вестник Европы» и альманахе «Мнемозина», который совместно с Одоевским в 1824–1825 гг. издавал В.К. Кюхельбекер. Кружок прекратил свое существование после восстания декабристов в 1825 г.

В сентябре 1826 г. по возвращении Пушкина в Москву возобновилось его личное общение с братьями Веневитиновыми. Александр Сергеевич неоднократно бывал у своих четвероюродных братьев в Кривоколенном. Дмитрий Веневитинов был интересен Пушкину и как автор критической статьи о первой главе «Евгения Онегина», принесшей молодому критику известность в литературных кругах. По сло-

вам Алексея Веневитинова, Пушкин говорил, что статья его младшего брата – «единственная, которую он прочел с любовью и вниманием. Все остальное – или брань, или переслащенная дичь».

12 сентября Пушкин вместе с Дмитрием Веневитиновым обедал в новой французской «ресторации» Яр, которая находилась на Кузнецком мосту, в доме Шавана (№ 9); возможно, на обеде были Соболевский и Киреевский. Об этом запись в дневнике Погодина.

И потому, наверное, 10 сентября 1826 г. Дмитрия Веневитинова позвал Пушкин на первое чтение «Бориса Годунова» у Соболевского. А вот Михаила Погодина не пригласил. И не только его, многие хотели попасть в число избранных. «Веневитинова чрез Соболевского зовет Пушкин слушать "Годунова" ввечеру. Веневитинов, верно, спрашивал у Соболевского, нельзя ли какнибудь faire (сделать. – А.В.) пригласить меня, и, верно, получил ответ отрицательный. Мне больно или завидно», – сетовал Погодин в тот день в дневнике.

Лишь 11 сентября Погодин встретился с Пушкиным в этом доме: "Мы с вами давно знакомы, – сказал он мне, – и мне очень приятно утвердить и укрепить наше знакомство нынче". Пробыл минут пять – превертлявый и ничего не обещающий снаружи человек».

Всего «Борис Годунов» читался автором в ту осень в Москве пять раз, в т. ч. дважды у Веневитиновых, 25 сентября и 12 октября, причем второй раз Пушкину внимало

большое число народу – все Веневитиновы, Шевырев, братья Киреевские, братья Хомяковы и другие. И если бы среди слушателей не было Погодина, мы не узнали бы сегодня о том, что произошло в тот октябрьский день:

«Октября 12 поутру, спозаранку мы ожидали Пушкина. В 12 часов он является. Какое действие произвело на всех нас это чтение, передать невозможно... Кровь приходит в движение при одном воспоминании. Надо припомнить, – мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихах Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которых все мы знали наизусть. Учителем нашим был Мерзляков. Надо припомнить и образ чтения стихов, господствовавший в то время. Это был распев, завещанный французской декламацией... Наконец, надо представить себе самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрец высокого искусства, – это был среднего роста, почти низенький человек, с длинными, несколько курчавыми по концам волосами, без всяких притязаний, с живыми быстрыми глазами, с тихим приятным голосом, в черном сюртуке, в темном жилете, застегнутом наглухо, в небрежно повязанном галстуке. Вместо высокопарного языка богов мы слышали простую, ясную, обыкновенную и между тем пиитическую, увлекательную речь! Первые явления выслушаны тихо и спокойно или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем дальше, тем ощущения усиливались. Сцена летописателя с Григорием всех ошеломила. Мне показалось, что мой родной и любезный

Нестор поднялся из могилы и говорит устами Пимена, мне послышался живой голос русского древнего летописца. А когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков "да ниспошлет Господь покой его душе страдающей и бурной", мы просто все как будто обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться. Кто вдруг вскочит с места, кто вскрикнет. То молчание, то взрыв восклицаний, например, при стихах Самозванца:

*Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла.*

Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления... Явилось шампанское, и Пушкин одушевился, видя такое свое действие на избранную молодежь. Ему было приятно наше волнение. Он начал нам, поддавая жару, читать песни о Стеньке Разине, как он выплывал ночью по Волге на востроносой своей лодке, предисловие к "Руслану и Людмиле": "У лукоморья дуб зеленый..." – начал рассказывать о плане для Дмитрия Самозванца, о палаче, который шутит с чернию, стоя у плахи на Красной площади в ожидании Шуйского, о

Марине Мнишек с Самозванцем, сцену которую написал он, гуляя верхом, и потом позабыл вполовину, о чем глубоко сожалел. О, какое удивительное то было утро, оставившее следы на всю жизнь. Не помню, как мы разошлись, как докончили день, как улеглись спать. Да едва ли кто и спал из нас в эту ночь».

А 13 октября 1826 г. Пушкин присутствовал здесь на чтении трагедии А.С. Хомякова «Ермак». При чем чтение это состоялось по инициативе Пушкина.

Дмитрий Веневитинов активно содействовал сближению Пушкина с молодыми московскими литераторами и привлечению его к сотрудничеству в журнале Погодина «Московский вестник», одним из наиболее деятельных участников которого был он сам. В 1824–1826 гг. Веневитинова часто можно было встретить на Тверской, в салоне Зинаиды Волконской, которой он страстно поклонялся. Волконская не ответила взаимностью (разница в возрасте у них была шестнадцать лет), но оценила по достоинству чувства молодого поэта. Как-то в один из вечеров Волконская подарила Веневитинову на память старинный перстень, найденный при раскопках Геркуланума. Он решил надеть этот перстень или на свадьбу, или перед смертью. Этому перстню Веневитинов посвятил стихотворения «Завещание» и «К моему перстню», в последнем он писал:

Когда же я в час смерти буду

*Прощаться с тем,
Что здесь люблю,
Тогда я друга умолю,
Чтоб он с моей руки холодной
Тебя, мой перстень, не снимал,
Чтоб нас и гроб не разлучал.*

Глубокое и неразделенное чувство к Волконской явилось одной из причин отъезда Веневитинова в Петербург в октябре 1826 г. После чего Дмитрию Веневитинову и Александру Пушкину уже не суждено было свидеться. При въезде в Петербург Веневитинов был арестован по подозрению в причастности к заговору. Проведя три дня под арестом, он заболел. После этого в марте, возвращаясь легко одетым с бала, Веневитинов сильно простудился и вскоре умер. «Как вы допустили его умереть?» – передавали современники восклицание Пушкина, узнавшего о смерти двадцатидвухлетнего поэта.

Исполняя волю Веневитинова, друзья «в час смерти» на его руку надели перстень Волконской. Когда в 1930 г. прах Веневитинова переносили из Симонова монастыря на Новодевичье кладбище, будущей женой реставратора Петра Барановского Марией Юрьевной был найден и знаменитый перстень из Геркуланума. Он хранится ныне в Литературном музее.

Через сто лет в этом доме состоялось уникальное собрание, посвященное тому давнему чтению «Бориса Годунова».

Поэт Александр Галич вспоминал: «В зале, где происходило чтение, мы и жили... Передо мной на столе лежат пожелтевшая от времени программа и пригласительный билет на закрытое заседание Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности, посвященное столетней годовщине чтения Пушкиным "Бориса Годунова" у Веневитиновых. Программки были отпечатаны тиражом всего в шестьдесят экземпляров. И то это было много, потому что торжественное заседание происходило не где-нибудь, а в нашей квартире – в одной из тех четырех квартир, что были выгорожены из зала веневитиновского дома. И хотя квартира наша состояла из целых трех комнат, комнаты были очень маленькими, и как разместились в них шестьдесят человек, я до сих пор ума не приложу. Все, однако же, каким-то непостижимым образом разместились. В воскресенье двадцать четвертого октября (двенадцатого по старому стилю) тысяча девятьсот двадцать шестого года состоялся этот незабываемый для меня вечер.

Первым, часам к шести, приехал старший брат моего отца – профессор Московского университета, пушкинист, один из организаторов этого вечера (Л.С. Гинзбург. – А.В.). Он рассеянно бродил по комнатам, теребил мягкую седую бородку, бесцельно переставляя стулья с места на место, и вообще по всему было видно, что он очень волнуется.

И вот, наконец, пробил восемь, и начали появляться приглашенные. Они здоровались с дядюшкой и отцом, целова-

ли руку маме, улыбались мне, но все это еще не было чудом, я знал – чудо было впереди. Открыл вечер председатель Общества любителей российской словесности профессор Сакулин. Потом с короткими сообщениями выступили профессор Цявловский и дядюшка, а потом, после недолгого перерыва, началось чудо. В программке это чудо называлось так: "Чтение отрывков из "Бориса Годунова" артистами Московского Художественного театра. Сцену "Келья в Чудовом монастыре" исполняют Качалов и Синицын, сцену "Царские палаты" – Вишневский, сцену "Корчма на литовской границе" – Лужский, сцену "Ночь, сад, фонтан" – Гоголева и Синицын, и отрывок из воспоминаний Погодина о чтении Пушкиным "Бориса Годунова" у Веневитиновых исполнит Леонидов"».

«22 декабря 1826 году. Москва. У Зубкова»

«Что ты на меня не глядишь? Жить без тебя не могу», – воскликнул Пушкин и, бросившись к одному из проходящих по Тверскому бульвару людей, расцеловался с ним. Происходило это в один из мартовских дней 1827 г. Человек, удостоившийся столь откровенного проявления внимания поэта, также не скрывал своих чувств. Это был Василий Зубков, недавний московский знакомец Пушкина. Направлялся Зубков, по видимости, к себе домой, потому как жил недалеко – на Малой Никитской улице. Пушкин не раз и не два бывал там после возвращения в Москву в 1826 г. Приводила его на Малую Никитскую весьма «уважительная» причина, а точнее сказать, сердечная. Но обо всем по порядку.

Василий Петрович Зубков – одноклассник Пушкина, карьеры на военной службе не сделал: воспитанник Муравьевского училища для колонновожатых, прапорщик Квартирмейстерской части, с декабря 1819 г. вышел в отставку подпоручиком. На гражданской службе добился он куда больших успехов: из тех сведений, что удалось о нем узнать, известно, что в 1824–1826 гг. служил он советником московской палаты гражданского суда, в 1828–1838 гг. советником и товарищем председателя (т. е. заместителем) московской палаты уголовного суда, а впоследствии дотянулся и до сена-

тора (что соответствовало чину генерал-лейтенанта). В перерыве, правда, он успел попасть в число декабристов, участвовав в тайном «Обществе Семисторонней, или Семиугольной, звезды» (вместе с бывшими лицеистами А.П. Бакуниным, Б.К. Данзасом, И.И. Пуциным и другими). Зубков был привлечен к следствию по делу декабристов, арестован и заключен в Петропавловскую крепость, но через 12 дней освобожден.

В то время, когда ему довелось принимать Пушкина у себя, он нанимал квартиру в доме Соковнина на Малой Никитской улице, во «флигеле, выходя на двор с правой стороны» – как уверяют архивные бумаги. Сегодня это часть хорошо сохранившейся большой усадьбы Бобринских, относящейся к концу XVIII в. (**Малая Никитская улица, № 12**).

Усадьба пострадала после пожара 1812 г., тем не менее фасад главного дома сохранил не только общую схему композиции, но и характерную для XVIII в. утонченную детализацию. Интерьеры были заново отделаны в стиле ампир начала XIX в. Анфилада парадных залов второго этажа украшена разнообразными плафонами с богатой росписью и лепными карнизами. Привлекают внимание посетителей усадьбы две мраморные скульптуры XVIII в., установленные перед входом в главный дом, – «Парис» и «Елена». Они не всегда стояли здесь. Их перенесли из старого сада, находившегося на месте нынешнего зоопарка.

В правом флигеле усадьбы, соединенном закругленной на

плане характерной галереей с главным домом, и квартировал Зубков вместе с женой Анной Федоровной, урожденной Пушкиной, дальней родственницей поэта. По словам Бартенева, Пушкин «проводил беспрестанно время» в гостях у Зубкова. Альбом Зубкова – свидетель визитов Пушкина – сохранил на своих страницах автографы вернувшегося из ссылки поэта – «Ответ Ф. Т.***» («Нет, не черкешенка она») и «Зачем безвременную скуку» с проставленной авторской датой «1 ноября 1826. Москва». А на автографе стихотворения «Друзьям» («В надежде славы и добра») рукою Пушкина помечено: «22 декабря 1826 году. Москва. У Зубкова». Сохранился лист с портретами декабристов, нарисованными Пушкиным у Зубкова.

Но притягивал Пушкина не сам Зубков (принять Пушкина у себя желали многие), а его двадцатилетняя свояченица (сестра жены) Софья Федоровна Пушкина. Недолго размышляя, Пушкин пылко изложил ей свои чувства, надумав жениться: «Я вижу раз ее в ложе, в другой на бале, а в третий сватаюсь!» – писал он Зубкову 1 декабря 1826 г. Софья Пушкина была обескуражена и даже испугана такой прыткостью поэта. Александр Сергеевич, изголодавшийся в ссылке по общению с московскими дамами, и в самом деле действовал по цезаревскому принципу «Пришел, увидел, победил». Ведь, как поучал он молодого князя Павла Петровича Вяземского, вся задача жизни, все на земле творится, чтобы обратить на себя внимание женщин: «В этом деле не следует

останавливаться на первом шагу, а идти вперед, нагло, без оглядки, чтобы заставить женщину уважать вас».

Да и сами женщины Пушкина привечали. Как доносил в те дни своему непосредственному шефу графу Бенкендорфу жандармский полковник И.П. Бибииков: «Я слежу за сочинителем Пушкиным, насколько это возможно... Дамы кадят ему и балуют молодого человека; напр., по поводу выраженного им в одном обществе желания вступить в службу несколько дам вскричали сразу: "Зачем служить! Обогащайте нашу литературу вашими высокими произведениями, и разве, к тому же, вы уже не служите девяти сестрам? Существовала ли когда-нибудь более прекрасная служба?"»

Софья Федоровна Пушкина была стройна и высока ростом, с прекрасным греческим профилем и черными, как смоль, глазами, и «была очень умная и милая девушка», – утверждала современница Пушкина Янькова, ее мемуары под названием «Рассказы бабушки» вышли в 1885 г.

Некоторые пушкинисты до сих пор спорят, не перепутала ли бабушка-долгожительница (прожила 93 года!) двух сестер. Есть мнение, что составленный ею словесный образ относится к Анне Федоровне Пушкиной, а к Софье Федоровне относится следующее: «Меньшая, маленькая и сублильная блондинка, точно саксонская куколка, была прехорошенькая, преживая и превеселая, и хотя не имела ни той поступи, ни осанки, как ее сестра, но личиком была, кажется, еще милее». Такого мнения придерживался Б.Л. Модзалевский.

Вересаев ему возражал, ссылаясь на мнения Нащокина и Соболевского, утверждавших, что, судя по внешности, в стихотворении «Ответ Ф. Т.***» поэт говорит о Софье Федоровне, а не о ее сестре. Сохранившиеся изображения Софьи Федоровны подтверждают правильность версии Вересаева:

*Нет, не черкешенка она
Но в доли Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.
Нет, не агат в глазах у ней.
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.*

Несмотря на напор, бурю и натиск, проявленные Пушкиным, сватовство оказалось неудачным. Об этом предупредил его и Зубков, которого поэт в осенние дни 1826 г. вовлек в борьбу за свою душевную (и далеко не последнюю) привязанность. Несмотря на отговоры, Пушкин умолял Василия Петровича (на правах родственника) помочь в сердечном деле: «Ангел мой, уговори ее, уприси ее... и жени меня».

Но у Софи, как называл ее Пушкин, уже был жених – Валериан Александрович Панин (впоследствии смотритель Московского вдовьего дома), которого поэт чуть ли не проклинал: «Мерзкий этот Панин, два года влюблен, а свататься собирается на Фоминой неделе..., настращай ее Паниным

скверным».

В письме, написанном Зубкову перед отъездом из Москвы 1 ноября 1826 г., Пушкин словно расписывается в собственной неудаче: «Я надеялся увидеть тебя и еще поговорить с тобой до моего отъезда; но злой рок мой преследует меня во всем том, чего мне хочется. Прощай же, дорогой друг, – еду похоронить себя в деревне до первого января, – уезжаю со смертью в сердце».

Однако не прошло и месяца, как Пушкин вновь засобирался в Москву: «Дорогой Зубков, ты не получил письма от меня, – и вот этому объяснение: я хотел сам явиться к вам, как бомба, 1 декабря, то есть сегодня, и потому выехал 5–6 дней тому назад из моей проклятой деревушки на перекладной из-за отвратительных дорог. Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня; у меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать; от бешенства я играю и проигрываю. Довольно об этом; жду, чтобы мне стало хоть немного лучше, дабы пуститься дальше на почтовых.

Оба твои письма прелестны: мой приезд был бы лучшим ответом на размышления, возражения и т. д. Но раз уж я застрял в псковском трактире вместо того, чтобы быть у ног Софи, – поболтаем, то есть поразмыслим.

Мне 27 лет, дорогой друг. Пора жить, то есть познать счастье. Ты говоришь мне, что оно не может быть вечным: хороша новость! Не личное мое счастье заботит меня, могу ли я возле нее не быть счастливейшим из людей, – но я содро-

гаюсь при мысли о судьбе, которая, быть может, ее ожидает, – содрогаюсь при мысли, что не смогу сделать ее столь счастливой, как мне хотелось бы. Жизнь моя, доселе такая кочующая, такая бурная, характер мой – неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно – вот что иногда наводит на меня тягостные раздумья. – Следует ли мне связать с судьбой столь печальной, с таким несчастным характером – судьбу существа, такого нежного, такого прекрасного?.. Бог мой, как она хороша! и как смешно было мое поведение с ней! Дорогой друг, постарайся изгладить дурное впечатление, которое оно могло на нее произвести... скажи ей, что я благоразумнее, чем выгляжу.

Если она находит, что Панин прав, она должна считать, что я сумасшедший, не правда ли? – объясни же ей, что прав я, что, увидав ее хоть раз, уже нельзя колебаться, что у меня не может быть притязаний увлечь ее, что я, следовательно, прекрасно сделал, пойдя прямо к развязке, что, раз полюбив ее, невозможно любить ее еще больше, как невозможно с течением времени найти ее еще более прекрасной, потому что прекраснее быть невозможно. ...В Москве я расскажу тебе кое-что».

Приехав в Москву в декабре 1826 г., Пушкин уже передумал сваливаться к Зубковым как снег на голову. Он поселился у Соболевского, на Собачьей площадке. Поэта ждало новое любовное увлечение...

«Пушкин в театре!»

Пушкин – один из самых музыкальных наших поэтов, отражением чего служит многолетняя жизнь опер и балетов, поставленных по мотивам его произведений на сцене Большого театра (**Театральная площадь, № 2**). Выдающиеся композиторы будто соревновались между собой за право лучшей музыкальной интерпретации пушкинских творений. Более тридцати музыкальных произведений получили свое воплощение в Большом театре, среди них «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Руслан и Людмила», «Сказка о царе Салтане», «Золотой петушок», «Каменный гость», «Мазепа», «Моцарт и Сальери», «Русалка», «Алеко», «Медный всадник» и другие.

Пушкин не раз бывал в Большом, именуемом в ту эпоху Петровским театром. Напомним, что 22 октября 1805 г. театр сгорел. Несмотря на то, что в 1806 г. он стал императорским, постройки нового здания пришлось ждать довольно долго. Труппа скиталась по Москве, показывая спектакли то в усадьбе А.И. Пашкова на Моховой, то в особняке графа Апраксина на Знаменке, а с 1808 г. – в деревянном Арбатском театре, опять же сгоревшем в 1812 г.

Лишь в 1821 г. император Александр I соизволил утвердить проект нового здания театра. Автором проекта в стиле ампира являлся архитектор А. Михайлов, а строил новый

Петровский театр Осип Бове, автор проекта реконструкции всей Театральной площади. По задумке Бове новое здание Большого театра должно было стать доминантой площади, которая к тому времени освободилась от болота. Спрятали под землю и так досаждавшую площади Неглинку, название которой сохранилось лишь в имени известной московской улицы. Для драматической труппы Бове перестроил в 1824 г. соседний дом купца Варгина, который вскоре нарекли Малым театром.

Выступая фасадом на Театральную (тогда еще Петровскую) площадь, новый театр преобразил не только ее, он стал украшением Москвы, на что не мог не обратить внимание Пушкин. Да и сама замощенная булыжником прямоугольная площадь предстала теперь в ином обличье – Большой театр слева и справа обрамлялся невысокими ампирическими домами-крыльями. «Большой Петровский театр как феникс из развалин возвысил стены свои в новом блеске и великолепии», – извещали «Московские ведомости» в январе 1825 г. Построили новый театр на фундаменте прежнего, сгоревшего, оставшиеся после пожара стены разрушать не стали, а включили их в конструкцию зрительного зала. В общих чертах театр походил на тот образ Большого, который мы привыкли видеть на обертке шоколада «Вдохновение»: торжественный портик с восемью массивными колоннами, держащий треугольный фасад с неизменной четверкой лошадей.

Открылся новый театр 6 января 1825 г. спектаклем «Тор-

жество муз» на музыку А. Алябьева и А. Верстовского. Начался вечер нетрадиционно: собравшиеся стоя аплодировали, причем не артистам, а зодчему Бове. Главным героем спектакля явился персонаж по имени Гений России (в исполнении Павла Мочалова), провозглашавший:

Воздвигайтесь, разрушенные стены!

Встань, упавший ряд столпов!

Да снова здесь звучат и лиры вдохновенны,

И гимны фебовых сынов!

Интересно, что зрителей, желающих попасть на первое представление, оказалось больше, чем мог вместить театральный зал, и потому спектакль пришлось повторить на следующий день. Сергей Аксаков вспоминал: «Большой театр, возникший из старых, обгорелых развалин, изумил и восхитил меня. Великолепное громадное здание, великолепная театральная зала, полная зрителей, блеск дамских нарядов, яркое освещение, превосходные декорации...»

Цены на театральные билеты зависели от расположения мест. Самыми дорогими были ложи бельэтажа, по 20 рублей, годовой абонемент обходился в 250 рублей. В партер можно было попасть за пятерку, а то и за три рубля с полтиной. На галерку пускали за пятьдесят копеек.

1 сентября 1826 г. театр почтило своим присутствием царское семейство, посетившее Москву по случаю коронации. Свежескоронованный император Николай обновил царскую

ложу, задрапированную малиновым бархатом. В честь исторического события устроили маскарад в русских национальных костюмах. Освещала все это действие огромная люстра в 1300 свечей.

А 12 сентября 1826 г., вскоре после своего возвращения в Москву, в Большой театр пришел и Александр Пушкин. В тот вечер шла комедия А. Шаховского «Аристофан». «Когда Пушкин, только что возвратившийся из изгнания, вошел в партер Большого театра, мгновенно пронесся по всему театру говор, повторявший его имя: все взоры, все внимание обратилось на него. У разъезда толпились около него и издали указывали его по бывшей на нем светлой пуховой шляпе. Он стоял тогда на высшей степени своей популярности», – писал Н.В. Путьята.

Даже императора не встречали в театре так, как Пушкина. Кажется, что сам факт его появления спровоцировал нечто вроде спектакля. И если весть о нагрянувшем настоящем ре-визоре вызвала немую сцену в гоголевской пьесе, то приход Пушкина возбудил живую сцену. «Впечатление, произведенное на публику появлением Пушкина в московском театре после возвращения из ссылки, может сравниться только с волнением толпы в зале Дворянского собрания, когда вошел в нее А.П. Ермолов, только что оставивший кавказскую армию. Мгновенно разнеслась по зале весть, что Пушкин в театре; имя его повторялось в каком-то общем гуле; все лица, все бинокли обращены были на одного человека,

стоявшего между рядами и окруженного густою толпою», – свидетельствовали очевидцы.

Пушкин въехал в Москву победителем, потому и сравнивает его современник с Ермоловым. Происходящее на театральной сцене вмиг перестало волновать зрителей, взоры их направились в сторону Пушкина, потрафив его самолюбию: «Надобно было видеть участие и внимание всех при появлении Пушкина в обществе!.. Когда в первый раз Пушкин был в театре, публика глядела не на сцену, а на своего любимца поэта», – отзывался об увиденном Ксенофонт Полевой.

Пушкин неоднократно бывал в Большом Петровском театре. Но что он мог смотреть? Репертуар в те годы являл собою довольно специфичную смесь музыкальных произведений разного жанра – от водевилей до т. н. романтических опер. Причем авторами выступали преимущественно итальянцы или немцы.

Спектакли тогда ставили быстро, и шли они в таком же темпе, скоро сходя со сцены. 17 октября 1826 г. показывали премьеру – «Ломоносов, или Рекрут-стихотворец» на музыку тирольских и венецианских народных песен, 7 ноября – оперу «Старинные святки» Ф. Блиммы, 20 ноября – «Иван Сусанин» К. Кавоса, 16 декабря – «Лодоиска» Р. Крейцера.

Катерино Кавос остался в музыкальной истории как весьма плодовитый композитор, сочинивший не только более полусотни опер, но и породивший сына Альберта, снискавшего славу театрального архитектора, автора проектов Мари-

инского театра в Санкт-Петербурге и Гранд Опера в Париже (утвержден Наполеоном III, но не реализован), отстроившего Большой театр после пожара 1853 г.

Своего «Ивана Сусанина» Катерино Кавос сочинил в 1815 г. по горячим следам. Опера вышла веселой, даже забавной. Сусанин не погибал, а оставался в живых. А свидетельством вечной русско-французской дружбы, которой не удалось помешать даже Наполеону, стала постановка «Ивана Сусанина» в стиле французской комической оперы, в которой музыке отводилось столько же времени, что и диалогам. Любопытно, что успех оперы Кавоса не померк, даже когда в 1836 г. Михаил Глинка написал своего «Ивана Сусанина». К чести Кавоса, он признал превосходство и творческую удачу коллеги (редкий случай!), выступив постановщиком премьерного спектакля. Так они и шли на сцене, чередуясь друг с другом. То «Сусанин» Глинки, то Кавоса. И актеры те же, и костюмы.

Помимо композиторской, Кавос сделал неплохую карьеру при дворе, в 1832 г. став «директором музыки» императорских театров. Благодаря Кавосу зарубежные оперы стали исполняться на русском языке, настоял он и на необходимости обучения певцов нотам, а иных – и грамоте. При нем оперная труппа императорских театров была отделена от драматической. Кавос немало поспособствовал развитию и становлению русской музыки, столь редко звучавшей в театрах, что порою казалось, будто в России композиторы вовсе не рож-

даются – из-за неподходящих климатических условий.

Пушкин не мог не знать Кавоса, а как же иначе – Катерино Альбертович – один из первых, кто переложил на музыку произведение Александра Сергеевича. Как только в августе 1822 г. вышла в свет политически важная поэма «Кавказский пленник» об успехах русского оружия на Кавказе и о любви пленного русского офицера Ростислава к невинному «дитю природы» – девушкечеркешенке Кзелкайе, Кавос немедленно сел за партитуру. Не прошло и месяца, как знаменитый балетмейстер Шарль Дидло занялся постановкой одноименного балета: «Все литераторы хвалят сие отличное произведение русской поэзии. Я просил перевести для себя краткое извлечение оногo – и нашел содержание весьма интересным», – писал он в предисловии к либретто.

После первой петербургской постановки балета в январе 1823 г. в московском Большом театре премьера состоялась 4 октября 1827 г. Уж и не знаем, поняла ли публика, что смотрит. Не зря Кавос слегка поменял название на «Кавказский пленник, или Тень невесты». Вот эта-то тень и нависала над балетной пантомимой в течение всего спектакля (это второй такой случай после «Гамлета»). Мало того что действие произведения было перенесено на десять веков назад, так откуда ни возьмись на сцене возникла и вторая героиня – невеста пленника. В конце балета она погибала, благословив возлюбленного на счастливый брак с черкешенкой. Далее молодые отправлялись на «празднество по поводу победы над

черкесами и принятие ханом русского подданства».

Пушкин, посмотрев балет, отреагировал поэтически:

*Мой пленник вовсе не любезен —
Он хладен, скучен, бесполезен —
Все так – но пленник мой не я.
Напрасно..... славил,
Дидло плясать его заставил,
Мой пленник, следственно, не я.*

Для чего (или для кого) в этом незаконченном стихотворении Пушкин оставил место, мы уже не узнаем. Но Дидло он не раз впоследствии «прикладывал» – в частности, в «Евгении Онегине»: «Балеты долго я терпел, но и Дидло мне надоел», или: «Там и Дидло венчался славой».

Возможно, что в следующей работе по мотивам Пушкина Дидло смог себя реабилитировать в глазах поэта. В 1825 г. он поставил танцы к постановке Шаховского на сюжет «Руслана и Людмилы». Жаль, что Пушкин в это время безвылазно сидел в Михайловском, без права въезда в столицы, и потому его имя на афише отсутствовало, говорилось лишь, что сюжет взят из «известной национальной русской сказки: Руслан и Людмила с некоторыми прибавлениями».

На сцене Большого шли и другие постановки по мотивам пушкинских сочинений на музыку Кавоса. 13 января 1827 г. в бенефис А.М. Борисовой состоялась премьера – «Керим Гирей, Крымский хан». Это романтическая трилогия в пяти

действиях на сюжет «Бахчисарайского фонтана» с пением, хорами, танцами и мелодрамами.

Репертуар Большого театра в основном носил развлека- тельный характер. В 1827 г. состоялись премьеры спектак- лей «Жар-птица, или Приключения Иван-царевича» Каво- са, «Ям, или Почтовая станция» А. Титова, «Пастушка, ста- рушка, волшебница, или Что нравится женщинам» Алябье- ва и Верстовского, «Рауль Синяя Борода, или Таинствен- ный кабинет» Гретри и тому подобные «волшебные» и «ко- мические» оперы, годящиеся сегодня разве что для детских утренников. Во всех названиях, что примечательно, присут- ствует союз «или». Это можно трактовать как некую вторич- ность, двойственность сути происходящего на сцене – как хотите, так и смотрите, как угодно, так и понимайте.

Исключением из правил являлась музыкальная постанов- ка Верстовского «Певцы во стане русских воинов» по балла- де Жуковского, сочиненной им после сдачи Москвы в нача- ле сентября 1812 г. Это серьезное и патетическое произве- дение явно выбивалось из общего контекста. Пушкин впер- вые прочитал стихотворение Жуковского в лицее.

С композитором-ровесником Алексеем Николаевичем Верстовским Пушкин был на «ты», не раз приходил к нему домой, в **Староконюшенный переулок (дом не сохра- нился)**. Верстовский, если можно так выразиться, был штат- ным композитором Большого театра, прослужив в нем трид- цать пять лет – сначала инспектором музыки, затем ин-

спектором репертуара императорских московских театров с 1830 г. и, наконец, управляющим конторой Дирекции императорских московских театров до 1860 г. Неудивительно, что эти годы называли эпохой Верстовского, а некоторые ставили его даже выше Глинки по масштабу популярности. Женой композитора была актриса Надежда Васильевна Репина, бывшая крепостная актриса прадеда Лермонтова.

11 декабря 1831 г. в Большом театре прошла премьера балета «Черная шаль, или Наказанная неверность» на стихотворение поэта. Как раз в эти дни он жил в Первопрестольной. Музыку набрали у разных композиторов, в т. ч. и у Верстовского, который еще в 1824 г. сочинил одноименную кантату, прочитав в «Вестнике Европы» стихотворение Пушкина «Черная шаль».

Александр Сергеевич и сам просил Верстовского писать музыку, о чем композитор рассказывал в письме к Шевыреву от 29 мая 1829 г.: «Пушкин ко мне пристал, чтобы я написал музыку Казака из Полтавы, – посылаю его к Вам. Мысль пришла недурная выразить галопом всю музыку». Верстовский сочинил кантату на стихотворение «Пир Петра Первого» с народной песней в первой части «На матушке, на Неве-реке молодой матрос корабли снастил». Когда они встречались, Пушкин непременно просил Верстовского сыграть эту песню, «она приводила его в восторг», – вспоминал Алексей Николаевич в 1860 г.

Играл композитор своему соавтору и другие их совмест-

ные произведения – «Ночной зефир» (1827), «Два вора» (1829), «Казак» (из «Полтавы», 1829), «Певец» (1831), «Песнь девы» (из «Руслана и Людмилы», 1827), «Старый муж, грозный муж» (1832).

Если бы афиша Большого театра была заполнена творениями одного Верстовского – это еще ничего; быть может, Пушкин тогда бы еще чаще появлялся в театральном зале. Но, к сожалению, композитор не часто пользовался служебным положением. И потому оставалось смотреть всякого рода экзотику – «Несколько часов царствования Нурмагалы» Е. Дадьяна, «Любовная почта» Кавоса, «Алина, королева Голкондская» А. Буальдьё, «Гюльнара, или Персидская невольница» Н. Далейрака, «Вампир, или Мертвецкровопийца» Г. Маршнера, «Оборотни» А. Париса и прочее. К счастью, Пушкину не удалось ознакомиться со всем репертуаром Большого театра 1826–1837 гг. – времени не хватало.

«Наших театров Пушкин не любил», – таково было мнение его друга Нащокина. Тогда зачем же он ходил туда? Развеять скуку – так, по крайней мере, можно трактовать его времяпрепровождение в длинные московские вечера. В мае 1830 г. он пишет в письме о московской жизни: «Еду в театр – отыскиваю в какой-нибудь ложе замечательный убор, черные глаза; между нами начинается сношение – я занят до самого разъезда <...> Вот моя холостая жизнь».

Легкий флирт, кокетство, возможность «поволочиться» доставляли Александру Сергеевичу несколько приятных ми-

нут. Но это до брака. А после он посещал Большой исключительно дуэтом с супругой. Известно, что через несколько дней после свадьбы, 22 февраля 1831 г., Пушкин пришел сюда с женой на маскарад, устраиваемый в пользу бедных, пострадавших от холеры.

Маскарад обычно проходил в театральном зале, для чего стулья убирались, а пол поднимался до уровня сцены: таким образом пространство значительно увеличивалось. Центром праздника становилась эстрада с оркестром, устанавливаемая в самой середине зала. Обязательным был буфет с шампанским и фруктами. На маскарадах меньше танцевали и все больше прогуливались, беседовали. Дамы в масках (в основном в разноцветном домино) сидели в ложах, мужчины стояли.

Наталья Николаевна любила повеселиться и, даже будучи в положении, не отказывала себе в этом удовольствии ни в Москве, ни в Петербурге. 9 февраля 1833 г. Вяземский сообщал А. Булгакову: «Вчерашний маскарад был великолепный, блестящий, разнообразный, жаркий, душный, восхитительный. Много совершенных красавиц: Завадовская, Радзивилова, Урусова... Хороша очень была Пушкина-поэтша, но сама по себе, не в кадрилях, по причине, что Пушкин задал ей стишок свой, который с помощью Божией не пропадет также для потомства».

Жаль, что ныне Большой театр не слишком часто обращается к постановкам «пушкинских» опер.

«Я увидел... портрет Пушкина»

Старинная Волхонка с незапамятных времен была местом жительства приближенных к власти персон. Так, в начале XVIII в. этот участок принадлежал родственникам гетмана Петра Дорошенко, «одного из героев древней Малороссии, непримиримого врага русского владычества», – так писал Пушкин в примечаниях к поэме «Полтава» (кроме того, Дорошенко приходился прапрапрадедом Н.Н. Гончаровой). Затем участок на Волхонке перешел к Нарышкиным, выстроившим здесь в конце XVIII в. усадьбу, а уже в 1800-х гг. особняком владел Алексей Федорович Грибоедов, дядя Александра Сергеевича Грибоедова. Дядя послужил племяннику одним из прототипов Фамусова в «Горе от ума». Кстати, Пушкин весьма оригинально выразился по поводу смерти Грибоедова: «Так что же? Ведь Грибоедов сделал свое. Он уже написал "Горе от ума"».

С 1825 по 1832 гг. в этом доме (**улица Волхонка, № 11**) нанимал квартиру художник Василий Андреевич Тропинин. В своей мастерской он создал известнейший портрет Пушкина. О своих встречах с поэтом на Волхонке в январе – феврале 1827 г. Тропинин вспоминал уже через много лет, когда после долгой безвестности обнаружился написанный им пушкинский портрет:

«И тут-то я в первый раз увидел собственной моей кисти

портрет Пушкина после пропажи и увидел его не без сильного волнения в разных отношениях: он напомнил мне часы, которые я провел глаз на глаз с великим нашим поэтом, напомнил мне мое молодое время, а между тем я чуть не плакал, видя, как портрет испорчен, как он растрескался и как пострадал, вероятно, валяясь где-нибудь в сыром чулане или сарае» (из воспоминаний Тропинина в записи скульптора Н.А. Рамазанова).

История знакомства Тропинина и Пушкина, в результате которого в мастерской на Волхонке был написан один из лучших портретов поэта, связана с Соболевским. Зимой и весной 1827 г. Пушкин жил у него на Собачьей площадке. Узнав, что Сергей Александрович собирается за границу, Пушкин решил подарить ему свой портрет. Однако до 1827 г. Александра Сергеевича рисовали всего несколько раз, и тогда, как писал Соболевский Погодину, «портрет Александр Сергеевич заказал Тропинину для меня и подарил мне его на память в золоченой великолепной рамке».

Правда, сам Тропинин много лет спустя рассказывал Н.В. Бергу, что Соболевский лично заказал ему портрет друга. Соболевский был недоволен «приглаженными и припомаженными портретами Пушкина, какие тогда появлялись. Ему хотелось сохранить изображение поэта, как он есть, как он бывал чаще, и он попросил Тропинина нарисовать ему Пушкина в домашнем его халате, растрепанного, с заветным мистическим перстнем на большом пальце. Тропинин согла-

сился. Пушкин стал ходить к нему». Эта версия происхождения портрета также имеет немало сторонников.

Уезжая в Европу, Соболевский брат с собой подарок в дальнюю дорогу не решил, ограничившись уменьшенной его копией, которую весьма профессионально выполнила Авдотья Петровна Елагина, а оригинал оставил на попечение копиистки и ее сыновей – братьев Киреевских, своих знакомых (Елагина – хозяйка литературного салона в доме у Красных ворот, как сказал Жуковский, «женщина умная и очаровательно приветливая»).

Вернувшись через пять лет в Москву, Соболевский, к неописуемому своему огорчению, обнаружил, что вместо пушкинского портрета в раму вставлена довольно искусная подделка. Видимо, кто-то из московских копиистов или студентов брал полотно для повторения, а оригинал не возвратил. Лишь через много лет директор Московского архива Министерства иностранных дел М.А. Оболенский увидел случайно в какой-то лавочке пушкинский портрет и приобрел его всего за 50 рублей. Уже позже выяснилось, что лавочка эта находилась на Волхонке, в доме № 10, т. е. напротив дома, где жил Тропинин. Оболенский обратился к Тропинину с просьбой обновить портрет, но художник не согласился, сославшись на то, что портрет был написан им в молодые годы и с натуры. Тропинин не хотел никоим образом затронуть ауру, в которой создавался портрет Пушкина, находившегося тогда в расцвете своих творческих сил. Ныне

портрет хранится в музее-квартире Пушкина на Мойке.

А вот знаменитый перстень поэта пропал. Газета «Русское слово» от 23 марта 1917 г. писала: «Сегодня в кабинете директора Пушкинского музея, помещавшегося в здании Александровского лицея, обнаружена пропажа ценных вещей, сохранившихся со времен Пушкина. Среди похищенных вещей находился золотой перстень, на камне которого была надпись на древнееврейском языке». Этот перстень представлял собой большое витое золотое кольцо с крупным восьмиугольным сердоликом красноватого оттенка, подарила его поэту Елизавета Ксаверьевна Воронцова перед его отъездом из Одессы 31 июля 1824 г. С тех пор суеверный Пушкин им очень дорожил, приписывая перстню свойства талисмана («Храни меня, мой талисман»).

Стала известной интересная подробность, сообщенная Пыляевым: когда Тропинин принялся писать портрет Пушкина, то увидел на его руке длинный ноготь на мизинце – признак принадлежности к масонам. Тогда Василий Андреевич сделал Пушкину масонский знак, на который поэт не ответил, а лишь погрозил пальцем.

Почему Пушкин заказал свой портрет именно Тропинину? К тому времени Василий Андреевич слыл в старой столице самым модным портретистом. Его работы отличались большим сходством с портретируемым. Успеха он добился, и переноса на холст облик поэта. Николай Полевой в журнале «Московский телеграф» писал: «Сходство портрета с под-

линником поразительно, хотя нам кажется, что художник не мог совершенно схватить быстроты взгляда и живого выражения лица поэта. Впрочем, физиогномия Пушкина – столь определенная, выразительная, что всякий хороший живописец может схватить ее, – вместе с тем и так изменчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы один портрет Пушкина мог дать о нем истинное понятие».

Карл Брюллов высоко оценивал мастерство своего старшего коллеги, скопировав позднее портрет Пушкина. Во время своего приезда в Москву в тридцать шестом году он отказывался принимать заказы, говоря, что в Москве есть свой, не менее талантливый художник.

Трудно поверить, что один из лучших портретистов Москвы Тропинин еще за четыре года до своей встречи с Пушкиным находился в крепостной зависимости. Освобождение пришло лишь в 1823 г., в возрасте сорока семи лет. Но свобода эта была только личной, его сын еще до 1829 г. оставался крепостным. А самого Василия Андреевича в 1824 г. избрали академиком. Он мог бы поселиться и в Петербурге, но столичная карьера не прельщала его. «Все я был под началом, да опять придется подчиняться... то тому, то другому... Нет, в Москву», – говорил художник. К середине 1820-х гг. Василий Андреевич Тропинин окончательно перебирается в Москву, на Волхонку. Здесь расцвел его талант портретиста (всего он написал более трех тысяч портретов). Оба художника – Пушкин и Тропинин – встретились в наилуч-

шую пору их творчества.

«На бале у князя Голицына»

На Тверской улице когда-то было немало пушкинских адресов. Например, на месте громадного дома № 6 раньше стояли гостиницы «Север» и «Европа», где останавливался поэт. Бывал Пушкин и в доме Олсуфьевых у Антония Погорельского (теперь здесь дом № 15). Ну и, конечно, салон Зинаиды Волконской (нынче дом № 14), Английский клуб...

В здании, о котором мы хотим рассказать (**улица Тверская, 13**), еще кое-что сохранилось от того времени, когда в «Тверской казенный дом» на балы и маскарады, устраивавшиеся генералгубернатором Москвы князем Голицыным, приходил Пушкин.

Защитник Москвы Дмитрий Владимирович Голицын, сражавшийся за Первопрестольную на Бородинском поле, получил город как бы в награду. С 1820 г. он без малого четверть века исправлял должность московского генерал-губернатора. Время это по праву называют эпохой Голицына. При нем Москва расцвела, окончательно исчезли следы грандиозного пожара 1812 г., на Волхонке был заложен Храм Христа Спасителя, открылись на Театральной площади Большой и Малый императорские театры, а также многие больницы, богадельни, приюты, училища и прочее... «Не было ни одного благотворительного и полезного предприятия, в течение двадцати с лишком лет, где не был бы он

вкладчиком, начальником, сподвижником», – с похвалой отзывались о нем москвичи.

Александр Пушкин, сочиняя «Путешествие из Москвы в Петербург» в 1833–1834 гг., отмечал прогресс, достигнутый за годы генералгубернаторства Голицына: «Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством. С другой стороны, просвещение любит город, где Шувалов основал университет по предначертанию Ломоносова». Пушкин не слишком жаловал российских чиновников, но Голицына выделял среди других. Значит, было за что.

Талантливый полководец, отмеченный Суворовым и Кутузовым, да и просто храбрый человек, заботливый сын, просвещенный чиновник, любимый народом и отстроивший новую Москву, – все это можно сказать о Дмитрии Голицыне.

Вскоре после приезда в Москву новый генерал-губернатор устроил смотр московским пожарным, приказав дать сигнал пожара флагом с башни каланчи, что стояла напротив его дома на Тверской. Скоростью, с которой пожарные прибыли на место, князь остался очень доволен и даже похвалил их. Ближайшая к Тверской площади Мясницкая пожарная команда явилась через три минуты, еще две – через пять, а остальные, из других районов, – через двенадцать минут.

В 1823 г. Голицын приказал выстроить на Тверской площади новое пожарное депо с каланчой. Это изящное ампирное здание с дорической колоннадой украсило площадь перед особняком генерал-губернатора. Долгие годы – до 1917 г. – оно было известно и как Тверская полицейская часть, куда доставляли провинившихся горожан. На втором этаже были камеры для государственных преступников, где некоторое время содержался драматург Сухово-Кобылин, обвиненный в убийстве любовницы. За время отсидки он сочинил свою «Свадьбу Кречинского».

Появление Голицына заметно оживило и культурную жизнь Москвы. Ему довелось управлять Москвой в ту золотую для русской литературы пору, когда в Москве жили и творили Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Жуковский, Вяземский, Тютчев, Погодин, Аксаков. Градоначальник, как человек прекрасно образованный, понимал важность посильной поддержки и развития российской словесности. Князь был не просто доступен для литераторов – он стремился к общению с ними. В его доме на Тверской регулярно собирался литературный кружок, он сам выступил инициатором издания в Москве литературных журналов.

Когда мы говорим о пушкинской Москве, то имеем в виду Москву именно голицынского периода. После возвращения в родной город после пятнадцатилетней разлуки Пушкин жил и бывал в домах, отстроенных при Голицыне. Александр Сергеевич был популярен не только среди московско-

го общества, но и в доме генерал-губернатора, прекрасно информированного о том, что Пушкин делает и говорит в Москве. Дело в том, что в Белокаменную Пушкина пускали, но под надзором полиции. По должности генерал-губернатор Москвы просто обязан был держать Пушкина под контролем. Обычно, узнав о приезде Пушкина в Москву, князь давал немедленное предписание московскому оберполицеймейстеру Д.И. Шульгину иметь «означенного отставного чиновника Пушкина под секретным надзором полиции». В ответ Шульгин, как правило, успокаивал градоначальника, что «в поведении Пушкина ничего предосудительного не замечено».

Интересно, что в 1833 г. Голицын получил от своего петербургского коллеги письмо с вопросом – а по какой причине за Пушкиным вообще нужно следить. В ответ Голицын написал, что сведений о том, по какому случаю «признано нужным иметь Пушкина под надзором» у него не имеется. Но от надзора Пушкин все равно не избавился.

Сам поэт хорошо относился к Дмитрию Голицыну, ценил градоначальника за порядочность и истинную аристократичность. Судите сами. Успокаивая Вяземского, которого Фаддей Булгарин в своем доносе к царю обвинил в вольнодумстве и разврате, Пушкин пишет: «Для искоренения неприязненных предубеждений нужны объяснения и доказательства – и тем лучше, ибо князь Дмитрий может представить те и другие» (январь 1829 г.). Следовательно, Пушкин надеялся,

что Голицын поможет опровергнуть донос подлого Булгарина. Это яркий штрих к портрету князя, характеризующий не только его личные качества, но и уважение к нему при дворе. К Голицыну в Санкт-Петербурге действительно очень чутко прислушивались.

Покровитель наук и искусств, Голицын по воскресеньям давал в своем особняке на Тверской популярные роскошные балы: «Были на славном балу у князя Дмитрия Владимировича; всякий был как дома, оба хозяева очень ласковы, и все были прошены во фраках», – отмечал современник. Гвоздем бальной программы была постановка так называемых живых картин – немых сценок, составлявшихся из гостей бала. Недаром многие зрители картин еще долго говорили о них, и в том числе Александр Пушкин. Коротая время по пути из Москвы в Петербург, он писал: «Мое путешествие было скучно до смерти... Наконец, за несколько верст до Новгорода, я нагнал вашего Всеволожского, у которого сломалось колесо. Мы закончили путь вместе, подробно обсуждая картины князя Голицына» (20 июля 1830 г., Н. Гончаровой).

Дом Голицына был для Пушкина притягательным еще и потому, что один из первых выходов в свет Натальи Гончаровой также был на балу в губернаторском особняке на Тверской. Во время своего дебюта у Голицына юная Натали немедля оказалась в кругу внимания. «А что за картина была в картинах Гончарова!» – делился с Пушкиным Вяземский в январе 1830 г., т. е. почти за год до бракосочетания по-

эта. В переписке братьев Булгаковых, неиссякаемом источнике сведений о московском житье-бытье, читаем: «Маленькая Гончарова, в роли сестры Дидоны, была восхитительна».

Однажды Вяземский, зная, что Пушкин давно влюблен в Гончарову, и увидав ее на балу у Голицына, попросил своего приятеля Лужина, который должен был танцевать с Гончаровой, заговорить с нею и с ее матерью мимоходом о Пушкине, с тем чтобы по их отзыву узнать, что они о нем думают. Мать и дочь отозвались благосклонно и велели кланяться Пушкину. Так Вяземский рассказывал Бартеневу.

В доме Голицына Пушкин встречал и других женщин. В 1827 г. на балу поэт, танцевавший с Екатериной Ушаковой мазурку, сочинил экспромт, ставший стихотворением «В отдалении от вас...». Ушакова написала об этом так: «Экспромт..., сказанный в мазурке на бале у князя Голицына»:

*В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен, —
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?*

Столь унылое окончание стихотворения свидетельствует о том, что у Пушкина в тот день было совсем не бальное на-

строение. Цявловская считает, что пусть и в шутку, но Пушкин этим стихотворением высказал тревогу за свою дальнейшую судьбу. Опасения вызвало обнародование непозволительно смелой и потому запрещенной элегии «Андрей Шенье». В течение 1827 г. Пушкина вынуждали несколько раз давать объяснения «компетентным органам» по поводу происхождения и смысла этого стихотворения.

Здесь же, в доме на Тверской, Пушкин повстречался с будущей поэтессой Евдокией Ростопчиной (в девичестве Сушковой), «Пушкин так заинтересовался пылкими и восторженными излияниями юной собеседницы, что провел с нею большую часть вечера», – вспоминал брат Сушковой. Свои воспоминания о встрече на балу с обожаемым ею всю оставшуюся жизнь поэтом Ростопчина Сушкова облекла в стихотворную форму:

*Я помню, я помню другое свиданье:
На бале блестящем, в кипящем собранье,
Гордясь кавалером, и об руку с ним,
Вмешалась я в танцы... и счастьем моим
В тот вечер прекрасный весь мир озлащался.
Он с нежным приветом ко мне обращался,
Он дружбой без лести меня ободрял,
Он дум моих тайну разведать желал...
Ему рассказала молва городская,
Что, душу небесною пищей питая,
Поэзии чары постигла и я, –*

*И он с любопытством смотрел на меня, —
Песнь женского сердца, песнь женских страданий,
Всю повесть простую молодых упований
Из уст моих робких услышать хотел...
Он выманить скоро признание успел
У девочки, мало знакомой с участием,
Но свыкшейся рано с тоской и несчастьем...
И тайны не стало в душе для него!
Мне было не страшно, не стыдно его...
В душе гениальной есть братство святое:
Она обещает участие родное,
И с нею сойтись нам отрадно, легко;
Над нами парит она так высоко,
Что ей неизвестны, в ее возвышенья,
Взыскательных дольных умов осужденья...
Вниманьем поэта в душе дорожа, —
Под говор музыки, украдкой, дрожа,
Стихи без искусства ему я шептала
И взор снисхожденья с восторгом встречала.
Но он, вдохновенный, с какой простотой
Он исповедь слушал души молодой!
Как с кротким участием, с улыбкою друга
От ранних страданий, от злого недуга,
От мрачных предчувствий он сердце лечил
И жить его в мире с судьбою учил!
Он пылкостью прежней тогда оживлялся,
Он к юности знойной своей возвращался,
О ней говорил мне, ее вспоминал.
Со мной молодея, он снова мечтал.*

*Жалел он, что прежде, в разгульные годы
Его одинокой и буйной свободы,
Судьба не свела нас, что раньше меня
Он отжил, что поздно родилась я...
Жалел он, что песни девической страсти
Другому поются, что тайные власти
Велели любить мне, любить не его, —
Другого!.. И много сказал он всего!..
Слова его в душу свою принимая,
Ему благодарна всем сердцем была я...
И много минуло годов с того дня,
И много узнала, извела я, —
Но живо и ныне о нем воспоминанье;
Но речи поэта, его предвещанье
Я в памяти сердца храню как завет
И ими горжусь... хоть его уже нет!..
Но эти две первые, чудные встречи
Безоблачной дружбы мне были предтечи, —
И каждое слово его, каждый взгляд
В мечтах моих светлую точкой горят!..*

Стихотворение «Две встречи» (1839 г.), отрывок из которого мы привели, – редкий в своем роде образец воспоминаний о Пушкине. Ведь подавляющее большинство мемуаров написано в прозе.

После женитьбы и последующего переезда семьи в Петербург Пушкин почти не появлялся на балах у Голицына.

«Приведите ко мне мотылька Пушкина»

Время постройки дома (Тверская улица, № 14) относится к концу XVIII в. (арх. М.Ф. Казаков). Здание перестраивалось в начале XIX в., а затем в 1874 г. по проекту арх. А.Е. Вебера и в 1901 г. по проекту арх. Г.В. Барановского.

История дома и его владельцев очень занимательна. Прежде всего, обратим внимание читателя на то обстоятельство, что переулок, на углу с которым стоит этот дом, называется Козицким. С этой фамилии и началась жизнь дома на Тверской. Был у Екатерины II статс-секретарь для «принятия челобитен» Григорий Васильевич Козицкий. Человек европейски образованный, знавший немало языков, он еще после смерти Ломоносова разбирал его архив, а также с позволения императрицы издавал журнал «Всякая всячина». Но в один прекрасный день звезда его закатилась, и Козицкий, не справившись с душевным потрясением, лишил себя жизни, нанеся себе более тридцати (!) ножевых ран.

Его вдова, статс-дама, тоже Екатерина, но Ивановна, Козицкая была богатейшей женщиной Москвы. Про нее рассказывали такую историю. Как-то раз она припрятала 37 000 рублей ассигнациями и забыла о них, не особо в деньгах нуждаясь. А сумма эта была по тем временам немалая. Нашли деньги лишь через двадцать лет, когда они уже превратились

в труху.

Козицкая в 1787 г., через двенадцать лет после трагической смерти мужа, и занялась строительством дома на Тверской. Землю она выкупила за 25 000 рублей у князя Ивана Вяземского, деда Петра Вяземского, который потом не раз посетит этот особняк. Купленная Козицкой земля не пустовала – на ней уже стоял незатейливый каменный дом 1776 г. постройки. Новый дом строила Козицкая то ли на деньги, оставшиеся от впечатлительного супруга, то ли (что более вероятно) на унаследованное от отца состояние (отцом ее был богатый симбирский купец и горнозаводчик Иван Семенович Мясников, преставившийся в 1780 г.).

Закончилось строительство после 1791 г. Вслед за тем переулок, выходящий на Тверскую улицу, именовавшийся ранее Сергиевским, стал называться Козицким. Возведенный в стиле классицизма особняк получился шикарным как внутри, так и внешне. Это был самый богатый дом в приходе храма св. великомученика Димитрия Солунского, стоявшего на противоположной стороне Тверской улицы, на месте нынешнего углового дома № 17.

У Екатерины Козицкой было две дочери: Анна и Александра, невесты с богатейшим приданым. Анна вышла замуж за князя и дипломата Александра Михайловича Белосельского-Белозерского, получившего за своей женой еще и дом на Тверской. Молодая супруга стала мачехой двум его дочерям от первого брака Зинаиде и Марии (первая жена

князя умерла при родах).

Зинаида в 1810 г. вышла замуж за Никиту Григорьевича Волконского и, поменяв фамилию, стала той самой Волконской, что устроила в своем доме на Тверской литературно-музыкальный салон. В 1826–1829 гг. Пушкин нередко посещал его: «Часто у Зинаиды Волконской бывает», – узнаем мы от П.В. Анненкова.

Зинаида Волконская – блестяще образованная светская дама, поэтесса и певица. «Все дышало грацией и поэзией в необыкновенной женщине, которая вполне посвятила себя искусству. Тут же, в этих салонах, можно было встретить и все, что только было именитого на русском Парнасе, ибо все преклонялись пред гениальной женщиной», – вспоминал о Волконской один из постоянных гостей салона на Тверской.

Родившись за границей, в Дрездене, она и умерла там – в Риме. Большую часть жизни провела она вне России, но оставила здесь о себе хорошую память. А все благодаря отцу-дипломату, собравшему одну из лучших в России коллекций изобразительного искусства, украсившую парадные залы особняка на Тверской. А в его дрезденском доме часто исполнял свои произведения Моцарт. Сам Россини высоко отзывался о певческих способностях юной Зинаиды, или, как ее звали, Зизи.

Волконская жила будто на две страны – Италию и Россию, стремясь, где бы она ни была, создать салонную атмосферу.

На ее римской вилле частыми гостями были Гоголь, художники Иванов, Брюллов, Кипренский, Щедрин, Бруни (влюбленный в хозяйку живописец изобразил ее на своей картине «Милосердие»). Общение с яркими представителями русской культуры вызвало у Волконской жгучий интерес к русскому искусству и к самой России как объекту европейского культурного влияния.

В 1824 г. Волконская поселяется в Москве, на Тверской улице. Выбор Москвы в качестве места жительства определяется ее отношением к старой столице как хранительнице устойчивых национальных традиций (в пику Петербургу). Волконская, пропитанная западной культурой, поглощена высокой идеей привить русскому обществу черты европейской образованности.

«Общим центром для литераторов и вообще для любителей всякого рода искусств, музыки, пения, живописи служил тогда блестящий дом княгини Зинаиды Волконской, урожденной княжны Белозерской. По ее аристократическим связям, собиралось в ее доме самое блестящее общество первопрестольной столицы; литераторы и художники обращались к ней как бы к некоему Меценату и приятно встречали друг друга на ее блистательных вечерах, которые умела воодушевить с особенным талантом.

Страстная любительница музыки, она устраивала у себя не только концерты, но и итальянскую оперу, и являлась сама на сцене в роли Танкреда, поражая всех ловкою игрою и

чудным голосом: трудно было найти равный ей контральто. В великолепных залах Белосельского дома, как бы римского палацца, оперы, живые картины и маскарады часто повторялись во всю эту зиму, и каждое представление обставлено было с особенным вкусом, ибо княгиню постоянно окружали италианцы, которые завлекли ее и в Рим», – писал современник.

Салон Волконской, по мысли хозяйки, призван был объединить самых разных представителей московской интеллигенции. Зинаида Александровна принимала у себя и профессионалов, и начинающих, и русских, и иностранцев. Сюда приходили, как выразился Петр Вяземский, «люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники». Дом свой в ожидании исполнения своей мечты – встречи западной и российской культур – княгиня хотела превратить в некое подобие открытого музея европейского искусства.

Мыслимо ли себе представить, что Пушкин мог быть каким-то образом обойден вниманием хозяйки салона на Тверской, обуреваемой столь честолюбивыми планами? Не прошло и недели после возвращения поэта в Москву в сентябре 1826 г., как он получает приглашение почтить своим вниманием «римское палаццо» на Тверской.

Пушкин пришел. Опять оказавшись в центре внимания уймы салонного народа, с интересом внимал Волконской, исполнившей романс «Погасло дневное светило...» на его

стихи. Поэт был «живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства», – как писал очевидец. И только...

Чтобы заманить Пушкина в следующий раз в пределы своего салона, Волконская вынуждена была прибегнуть к помощи Петра Вяземского, упрасивая его: «Приходите ко мне обедать в воскресенье непременно, я буду читать коечто, что, я надеюсь, Вам понравится, – если возможно поймать мотылька Пушкина, приведите его ко мне. Быть может, он думает встретить у меня многочисленное общество, как было, когда он приходил в первый раз. Он ошибается, скажите ему это и приведите обедать. То, что я буду читать, ему тоже понравится».

Что могло спугнуть «мотылька Пушкина» в первый раз? Если верить современникам, это могла быть просьба что-нибудь почитать, ведь часто представляли его как «прославленного сочинителя». Вот, например, Шевырев (в будущем он станет учить детей Волконской) пишет: «Будучи откровенен с друзьями своими, не скрывая своих литературных трудов и планов, радушно сообщая о своих занятиях людям, известно интересующимся поэзией, он (Пушкин. – А.В.) терпеть не мог, когда с ним говорили об стихах его и просили что-нибудь прочесть в большом свете. У княгини Зинаиды Волконской бывали литературные собрания понедельные. На одном из них пристали к Пушкину с просьбою, чтобы прочесть. В досаде он прочел "Поэт и Чернь" и, кончив, с сердцем ска-

зал: "В другой раз не станут просить"».

Эти слова Шевырева даже дали повод ряду пушкинистов «скорректировать» утверждения о безусловно положительном отношении поэта к салону Волконской. В подтверждение предьявляется письмо Пушкина к Вяземскому около 25 января 1829 г., в котором он пишет о «проклятых обедах Зинаиды».

О частых посещениях Пушкиным салона Волконской на Тверской писали многие, в том числе жандармский полковник Бибииков, доносивший об этом «по начальству» в начале ноября 1826 г., ну и, конечно, Вяземский, И. Киреевский, А. Веневитинов и другие.

А помимо Пушкина и перечисленных литераторов, бывали здесь Чаадаев, Жуковский, Баратынский, Языков, Загоскин, Погодин, Д. Веневитинов, страстный поклонник Волконской... Гостей радовали своим пением не только сама княгиня, но и граф М. Риччи и его жена Екатерина Петровна, урожденная Лунина.

Одним из частых посетителей салона Зинаиды Волконской был пришедшийся по сердцу Пушкину поляк Адам Мицкевич, проводивший в Петербурге и Москве годы своей «почетной ссылки». Ввел его в дом Волконской тот же Вяземский, переводивший сонеты Мицкевича и в 1827 г. опубликовавший статью о них же в «Московском телеграфе». «Знаменитый польский поэт Мицкевич, неволею посетивший Москву, был также одним из дорогих гостей Бело-

сельских палат, его "Дзяды" и "Крымские сонеты" очень славились в то время, и он изумлял необычайною своей импровизацией трагических сцен. Общество его было весьма приятно, и мне часто случалось наслаждаться его беседой, в которой не был замечен ретивый поляк, хотя и в душе патриот, но, прежде всего, высказывался великий поэт», – отмечал мемуарист.

Зинаида Волконская пользовалась вполне обоснованной популярностью у мужской половины. Нельзя не процитировать в этой связи пушкинские строки, посвященные ей:

*Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Вошебный скипетр вдохновенный,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.
Певца, плененного тобой...*

Однажды в салоне Волконской с этим самым Аполлоном, упомянутым Пушкиным в стихотворении, в перерыве между обедом и чтением произошло вот что. Молодой поэт Андрей Муравьев случайно сломал руку у гипсовой статуи од-

ноименного бога, а затем начертил на пьедестале памятника свой свежесочиненный стишок:

*О, Аполлон! Поклонник твой
Хотел померяться с тобой,
Но остутился и упал.
Ты горделивца наказал:
Хотел пожертвовать рукой,
Чтобы остался он с ногой.*

Этими стихами Муравьев тотчас вызвал на себя безжалостный поэтический огонь Пушкина. Вот как сам пострадавший (мы имеем в виду Муравьева, а не Аполлона) рассказывает об этом:

«Часто бывал я на вечерах и маскарадах, и тут однажды, по моей неловкости, случилось мне сломать руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, которая украшала театральную залу. Это навлекло мне злую эпиграмму Пушкина, который, не разобрав стихов, сейчас же написанных мною, в свое оправдание, на пьедестале статуи, думал прочесть в них, что я называю себя соперником Аполлона».

Один свидетелей сцены дополняет картину случившегося: «В 1827 году он <Муравьев> пописывал стишки и раз, отломив нечаянно (упираю на это слово) руку у гипсового Аполлона Бельведерского на парадной лестнице Белосельского дома, тут же начертил какой-то акростих. Могу сказать почти утвердительно, что А.С. Пушкина при этом не было».

Нельзя с уверенностью утверждать, видел ли Александр Сергеевич сам процесс порчи статуи, но то, что ему об этом рассказали и показали, это точно. А досаду Муравьева вызвал не тот факт, что он что-то сломал, а то, что стал объектом эпиграммы со стороны самого «прославленного сочинителя»:

*Лук звенит, стрела трепещет,
И, клубясь, издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона¹,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.*

Эпиграмму напечатал «Московский вестник», после чего Пушкин остроумно заметил: «Однако ж, чтоб не вышло чего из этой эпиграммы. Мне предсказана смерть от белого человека или белой лошади, а NN – и белый человек, и лошадь». А незадачливый поэт, который, быть может, и останется в истории литературы как человек, удостоившийся пушкинской эпиграммы, поспешил ответить стихотворением «Ответ Хлопушкину»:

¹ Пифон – дракон, которого убил Аполлон, древнегреческий бог Солнца и покровитель искусств. Бельведерским Аполлон называется в связи с тем, что статуя его была поставлена в Бельведере Ватиканского дворца.

*Как не злиться Митрофану:
Аполлон обидел нас;
Посадил он обезьяну
В первом месте на Парнас.*

Пушкин вряд ли мог обидеться: его как только не обзывали в эпиграммах: Толстой-Американец назвал даже Чушкиным, а теперь вот нарекли Хлопушкиным. А про свое сходство с обезьяной поэт и сам знал.

Сергей Соболевский успокаивал бедного Муравьева. На его вопрос: «Какая могла быть причина, что Пушкин, оказывавший мне столь много приязни, написал на меня такую злую эпиграмму?» – Соболевский ответил: «Вам покажется странным мое объяснение, но это сущая правда; у Пушкина всегда была страсть выпытывать будущее, и он обращался ко всякого рода гадалыщицам. Одна из них предсказала ему, что он должен остерегаться высокого белокурого молодого человека, от которого придет ему смерть. Пушкин довольно суеверен, и потому, как только случай сведет его с человеком, имеющим все сии наружные свойства, ему сейчас приходит на мысль испытать: не это ли роковой человек? Он даже старается раздражить его, чтобы скорее искусить свою судьбу. Так случилось и с вами, хотя Пушкин к вам очень расположен».

Далее Муравьев заключал: «Не странно ли, что предсказание, слышанное мною в 1827 году, от слова до слова сбы-

лось над Пушкиным ровно через десять лет». Добавим, что в дальнейшем прозвище «*Бельведерский Митрофан*» с легкой руки Пушкина закрепилось за Муравьевым. Вот какие любопытные литературные последствия вызвало маленькое происшествие в салоне княгини Волконской на Тверской улице, случившееся в 1827 г.

В 1824–1829 гг., по словам П.А. Вяземского, «в Москве дом княгини Зинаиды Волконской был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества». Одну из таких замечательных личностей провожали здесь зимним вечером 26 декабря 1826 г. в Сибирь. Мария Николаевна Волконская покидала Москву и уезжала вслед за мужем декабристом С.Г. Волконским, приговоренным к ссылке (кстати, братом мужа Зинаиды Волконской Никиты Волконского). Пушкин не мог не прийти попрощаться. Ведь Марию Волконскую он знал еще, когда она носила девичью фамилию Раевская. Поэт сблизился с семьей Раевских во время их путешествия на Кавказ и в Крым.

Марию Волконскую принято называть «утаенной любовью» Пушкина, а с именем ее связывают стихотворения «Редет облаков летучая гряда» (1820), «Таврида» (1822), «Ненастный день потух» (1824), «Буря» («Ты видел деву на скале», 1825), «Не пой, красавица, при мне» (1828), «На холмах Грузии...» (1829).

Вот как сама Волконская писала о том дне в своих «За-

писках»: «В Москве я остановилась у Зинаиды Волконской, моей невестки, которая приняла меня с такой нежностью и добротой, которых я никогда не забуду: она окружила меня заботами, вниманием, любовью и состраданием. Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех итальянских певцов, которые были тогда в Москве, и несколько талантливых певцов.

Прекрасное итальянское пение привело меня в восхищение, а мысль, что я слышу его в последний раз, делала его для меня еще прекраснее. Дорогой я простудилась и совершенно потеряла голос, а они пели как раз те вещи, которые я изучила лучше всего, и я мучилась от невозможности принять участие в пении. Я говорила им: "Еще, еще! Подумайте только, ведь я никогда больше не услышу музыки!".

Пушкин, наш великий поэт, тоже был здесь... Во время добровольного изгнания нас, жен сосланных в Сибирь, он был полон самого искреннего восхищения: он хотел передать мне свое "Послание к узникам" ("Во глубине сибирских руд") для вручения им, но я уехала в ту же ночь, и он передал его Александрине Муравьевой. Пушкин говорил мне: "Я хочу написать сочинение о Пугачеве. Я отправлюсь на места, перееду через Урал, проеду дальше и приду просить у вас убежища в Нерчинских рудниках"».

Салон прекратил свое существование в 1829 г. с отъездом Волконской в Италию. Жила княгиня в 1830-х гг. в одном из самых известных уголков Рима – палаццо Поли, фа-

садом которому служит знаменитый фонтан Треви с богом Океаном, созданный по эскизам Бернини (каждый день желающие вернуться в Рим туристы оставляют в фонтане в среднем до тысячи евро мелочью!). Княгиня, мечтающая о встрече российской и европейской культур, выбрала для себя не самое плохое место жительства. И как бы ни был хорош особняк на Тверской, с палаццо Поли он все же не выдерживает конкуренции. В Россию она приезжала еще несколько раз, но уже католичкой. Навещая Россию в 1840 г., она вновь хотела вернуться в православие. Похоронена Волконская в церкви св. Викентия и Анастасии, что напротив знаменитого фонтана. Ну а в доме на Тверской нынче Елисейевский магазин.

«В креслах встретил я Пушкина»

В этом помпезном здании (улица Знаменка, № 19), отдаленно напоминающем то ли обком партии, то ли драматический театр середины прошлого века, с трудом можно узнать бывший особняк графа Апраксина, построенный по проекту архитектора Франческо Компореци в 1792 г. Впоследствии здание неоднократно перестраивалось под нужды военного ведомства – здесь дислоцировался генеральный штаб Красной Армии. В 1944–1946 гг. архитекторами М.В. Посохиным и А.А. Мндоянцем дом был надстроен, расширен и дополнен двенадцатиколонным портиком в стиле классицизма. Получился типичный сталинский ампир.

А когда-то этот особняк на Знаменке был известен на всю Москву своим «Апраксинским театром», названным так по имени владельца дома графа Степана Степановича Апраксина. Генерал от кавалерии, он храбро сражался с горцами на Кавказе и с турками при Очакове, служил военным губернатором в Смоленске, после отставки в 1809 г. поселился в Москве.

«В доме Апраксина был один из немногих барских театров, уцелевших после "французского погрома". Вскоре после бегства французских оккупантов из Москвы и восстановления города здесь были даны спектакли "Всеобщее ополчение", "Освобождение Смоленска" и другие патриотические

представления. Дом Апраксина в Москве был самый гостеприимный. Судить о широком хлебосольстве этого барина можно по тому, что, как рассказывает князь Вяземский, он вскоре после нашествия французов дал в один и тот же день обед в зале Благородного собрания на сто пятьдесят человек, а вечером в доме своем ужин на пятьсот. Но не одними балтазаровскими пирами угощал Москву Апраксин, и более возвышенные и утонченные развлечения и празднества находили там москвичи. У него бывали литературные вечера и чтения, концерты и так называемые благородные, или любительские, спектакли. В его барском доме, как мы уже говорили, была обширная театральная зала; там давали в особенности славившуюся тогда оперу "Диана и Эндимион", в которой гремели охотничьи рога, за кулисами слышался лай гончих собак, а по сцене бегали живые олени. У него шли пьесы: "Ям", "Филаткина свадьба", "Русалка" и проч. После французов там долго давался дивертисмент под названием "Праздник в стане союзных войск", с солдатскими песнями. В труппе Апраксина были известный комик Малахов и замечательный тенор Булахов (отец), с металлическим голосом и безукоризненной методой», – писал Михаил Пыляев.

В театре Апраксина 7 февраля 1827 г. побывал Пушкин. Итальянская труппа в тот день давала «Сороку-воровку» Россини. Сам Апраксин оперы не видел – он был очень плох, дней за десять до этого ему было видение – некий старик явился к нему с известием о близкой смерти, наступившей

уже 8 февраля: «Хозяин дома умер, – сообщал А. Булгаков, – а за стеною пели итальянцы оперу; это бы ничего, но театр был набит приятелями покойного, иные почитали себя обязанными делать печальную рожу».

Одним из тех, кто вместе с Пушкиным внимал раздававшимся со сцены ариям, случайно стал Филипп Филиппович Вигель, завзятый театрал: «Тут в креслах встретил я... Пушкина... я чуть не вскрикнул от радости. После ссылки в псковской деревне Москва должна была раем показаться Пушкину, который с малолетства в ней не бывал и на неопределенное время в ней остался. Я узнал от него о месте его жительства и на другой же день поехал его отыскивать... Он весь еще исполнен был молодой живости и вновь попался на разгульную жизнь».

С Вигелем Пушкин познакомился в послелицейскую пору в Петербурге, оба были членами «Арзамаса», затем встречались в Кишеневе, Одессе и Крыму. Вигель был как Фигаро – то тут, то там, что позволило ему остаться в истории в качестве свидетеля интереснейших событий первой половины XIX в. и автора своих «Записок». Сергей Соболевский – безжалостный эпиграмматист – высмеял противоестественные наклонности Вигеля:

Ах, Филипп Филиппыч Вигель!
Тяжела судьба твоя:
По-немецки ты – Schweinwigel,
А по-русски ты – свинья!

*Счастлив дом, а с ним и флигель,
В коих, свинства не любя,
Ах, Филипп Филиппыч Вигель,
В шею выгнали тебя!
В Петербурге, в Керчи, в Риге ль,
Нет нигде тебе житья.
Ах, Филипп Филиппыч Вигель,
Тяжела судьба твоя!*

В эпиграмме использован неологизм: выражение «свинья Вигель» созвучно немецкому слову Schweinigel, переводящемуся как похабник. 7 января 1834 г. после визита Вигеля Пушкин записал в своем дневнике: «Я люблю его разговор – он занимателен и делен, но всегда кончается толками о мужеложестве».

«Обедали вместе у Яра»

Дом Л. Шавана (улица Кузнецкий мост, № 9/10), переживший пожар 1812 г., в котором после перестройки более старого здания открылась гостиница с французским ресторано́м, о чем извещали «Московские ведомости»: «Имею честь сим известить почтеннейшую публику, что с 1 января 1826 года на Кузнецком мосту в доме купца Шавана (не купца, а чиновника Сената. – А.В.) откроется ресторация с обеденным и ужи́нным столом, всякими виноградными винами и ликерами при весьма умеренных ценах... При сей ресторации продаваться будут особые паштеты и разные пирожные. Московский купец Транкиль Ярд».

Москвичей пытались было приучить к официальному названию – «Ресторация с обеденным и ужи́нным столом Транкиль Ярд», но довольно скоро в народе стали просто говорить «У Яра», отбросив последнюю букву «д» от фамилии владельца, которому еще и подарили отчество – Петрович. Ресторация стремительно завоевала популярность у гурманов, составив конкуренцию знаменитым трактирам Охотного ряда.

Пушкин пришел отведать французскую кухню уже на четвертый день после возвращения в Москву, 12 сентября 1826 г., вместе с Дмитрием Веневитиновым. Судя по всему, обед поэту понравился, ибо Александр Сергеевич стал за-

всегдааем заведения. Например, в феврале 1827 г. он извещал А.А. Муханова: «Заезжай к Яру, я там буду обедать, и оставь записку».

27 января 1831 г. здесь поминали Дельвига, Николай Языков писал брату на следующий день: «Вчера совершилась тризна по Дельвиге. Вяземский, Баратынский, Пушкин и я, многогрешный, обедали вместе у Яра, и дело обошлось без сильного пьянства». Видимо, пьянство здесь бывало и не раз, иначе Пушкин не отчитывал бы за него своего брата Льва, также зачистившего к Яру, из-за чего он даже с опозданием явился в свой полк, оставшись в городе Чугуеве: «Кабы ты не был болтун и не напивался бы с французскими актерами у Яра, вероятно, ты мог бы уж быть на Висле». В сентябре 1832 г. Пушкин также столовался на Кузнецком мосту: «Я вел себя прекрасно... уехал ужинать к Яру».

*Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра помянуть?*

А это уже из «Дорожных жалоб» – не раз, видимо, глотал слюну Александр Сергеевич, вспоминая за нехитрой трапезой (всухомятку!) в захолустном трактире французскую кухню у Яра. Какую уху здесь готовили – особую, на шампанском! А трюфели! Их умели подать, как следует, только в его любимом московском ресторане. В одной старинной книге

дается рецепт приготовления трюфелей: «Лучшими считаются трюфели крупные. Подают оные вареными в вине с бульоном, пучком трав, корнями, луковицами, приправив солью и перцем. Прежде варения надобно их обмыть и вытереть щеткою, чтоб не осталось земли. По сварении таким образом выбрать и подавать горячие в салфетке в числе антреме. Трюфели рубленые и ломтиками накрошенные составляют отменную приправу во всяких рагу. Свежие трюфели надобно очищать от наружной кожицы, употребляют их и сухими, но таковые не столько хороши. Впрок наливают их маслом Прованским». Считалось даже, что употребление трюфелей оказывало свое благотворное действие на некоторые аспекты личной жизни: «Труфель-гриб располагает к любовному жару: для чего молодая девица на больших обедах, у знатных персон бывающих, его кушать стыдятся», – писал один ботаник пушкинской эпохи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.